

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ

И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Учебные годы Пушкина уже не разъ описывались въ послѣднее десятилѣтіе. О нихъ говорится: въ біографіяхъ поэта, написанныхъ П. И. Бартепевымъ («Московскія Вѣдомости» 1854 г. №№ 71—118) и П. В. Анненковымъ («Сочиненія Пушкина», изд. 1855 г. т. 1); въ «Памятной книжкѣ императорскаго александровскаго лицея на 1856—1857 годъ», гдѣ напечатаны *Матеріалы для исторіи лицея* и біографіи его директора Малиновскаго и профессоровъ Кошанскаго, Куницына и Карцова; въ *Запискахъ И. И. Пущина* («Атеней» 1859, № 8 и «П. З.» 1861 г.), вызвавшихъ замѣтку: *Въ память перваго директора Императорскаго Царско-сельскаго лицея И. О. Малиновскаго* («Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 131), и другихъ журнальныхъ статьяхъ. Наконецъ, по случаю 50-лѣтней годовщины лицея, въ 1861 г., составленъ, на основаніи преимущественно официальныхъ данныхъ, его «Историческій очеркъ», представляющій біографическія свѣдѣнія о многихъ лпцахъ, упоминаемыхъ въ предлагаемой статьѣ. По тому же поводу автору ея сообщены нѣкоторые матеріалы касательно внутренней неофициальной жизни лицея, съ которою связано начало литературной дѣятельности Пушкина и его товарищескаго кружка, именно: лицейскія бумаги 1811—1817 г., состоящія изъ рукописныхъ, отчасти ненапечатанныхъ сочиненій, журналовъ сборниковъ, каррикатуръ и проч., хранящіяся у товарища поэта, М. Л. Яковлева; бумаги, оставшіяся по смерти бывшаго директора лицея Е. А. Энгельгардта, и рукописныя замѣтки другаго товарища

Пушкина, барона М. А. Корфа, ко второй главѣ біографіи поэта (о лицѣ), написанной г. Бартечевымъ. Устраняя все официальное, и, во избѣжаніе повтореній, пропуская все извѣстное и недавно еще напечатанное, извлекаемъ изъ этихъ данныхъ, съ помощью воспоминаній современниковъ, свѣдѣнія, на недостатокъ которыхъ справедливо жалуются біографы и почитатели великаго поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся также опредѣлить вліянія, подъ которыми онъ развивался, и объяснить автобіографическое значеніе лицейскихъ его стихотвореній.

I.

ПОЭЗИЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — ВОСПИТАНІЕ. — ПРЕПОДАВАНІЕ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ. — ДОМАШНІЕ СПЕКТАКЛИ. — БЕСѢДЫ. — ЖУРНАЛЫ И ИХЪ СОТРУДНИКИ. — ПОЯВЛЕНІЕ ВЪ ПЕЧАТИ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Нѣсколько вдохновенныхъ стиховъ Пушкина изображаютъ такими поэтическими и трогательными чертами лицейскій его бытъ, что онъ представляется воображенію не иначе, какъ подчиняясь ихъ неограниченному вліянію, которое замѣтно почти во всемъ, что писано о лицѣ. Воспоминанія прошлаго, для которыхъ дѣйствительность была только исходною точкою, пройдя чрезъ воображеніе поэта, воплощались въ самые художественные образы. Но напрасно стали бы мы искать въ нихъ точнаго изображенія жизни, также какъ напрасно ожидать отъ жизни того, что можетъ дать только творческій геній. Между тѣмъ поэтической колоритъ, приданный Пушкинымъ времени и быту, съ которымъ для него были связаны впечатлѣнія юности, отразился почти на всемъ, что имѣетъ предметомъ ихъ воспроизведеніе. Эготъ колоритъ, которому съ другой стороны содѣйствовала бѣдность фактовъ, во многомъ расходится съ дѣйствительностью. Въ официальной исторіи, біографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, описывающихъ первые годы существованія лица, онъ изображенъ какимъ-то идеальнымъ учрежденіемъ, въ которомъ дѣйствовали идеальныя лица; нѣкоторые увлекались даже до того, что называли тогдашній лицейскій бытъ «поэмою»; а если поближе разсмотрѣть эту поэму, то фантастическій элементъ, положенный въ основаніе учрежденія, становится еще болѣе замѣтнымъ, и вмѣсто идеаловъ открывается довольно жалкая дѣйствительность, въ которой все хорошее и разумное, не имѣя органической связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, является только какъ счастливая случайность. Официально-казенная сторона учрежденія, то есть его управленіе, пред-

меты и способъ преподаванія, объемъ ихъ и т. п., уже извѣстна, и едва ли заслуживаетъ серьезнаго обсужденія, которое при томъ отвлекло бы насъ отъ предмета. Взглянемъ на другую, еще не тронутую сторону дѣла, на способы къ достиженію цѣли и приведенію въ исполненіе намѣреній, высказанныхъ въ «Постановленіи» о лицѣѣ.

Для вступленія въ лицей требовались самыя малыя знанія, а между тѣмъ, онъ имѣлъ цѣлью «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной», и не смотря на то, что въ него принимались мальчики отъ 10 до 14 лѣтъ, съ ничтожными свѣдѣніями, они, въ теченіе только 6-лѣтняго курса, должны были изучить предметы, «важнымъ частямъ государственной службы приличныя и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные». Въ этомъ противорѣчій между неясно сознаваемой цѣлью и средствами, слишкомъ недостаточными для ея достиженія, заключался главный недостатокъ лицейскаго воспитанія, планъ котораго, сверхъ того, основанъ не на здоровыхъ педагогическихъ понятіяхъ, не на потребностяхъ общества, а на какихъ-то фантазіяхъ. столько же добродушныхъ, какъ неудобноисполнимыхъ. Понятно, что при такихъ шаткихъ основаніяхъ, все, съ начала до конца, шло криво и косо. Но чтобъ дать ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ эти фантазіи примѣнялись къ дѣлу, приводимъ нѣсколько строкъ изъ личныхъ воспоминаній барона М. А. Корфа: «Намъ нужны были сперва начальныя учителя, а дали тотчасъ профессоровъ, которые при томъ сами никогда ни гдѣ еще не преподавали. Намъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ, и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Намъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года, надлежало спеціально готовить къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе— все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ, не соответствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой нибудь цѣли... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполне предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части

преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой рациональной системы преподаванія. Не смотря на это, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ, вышелъ едва ли не лучше другихъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ. Основательнаго, глубокаго, въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ, и очень были богаты блестящимъ всезнаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отъигрывать»...

Не смотря, однакожь, на всѣ несообразности «Постановленія», нужно отдать справедливость гуманности, которою оно провизнуто, и благородству началъ и намѣреній, хотя послѣднія не всегда переходили въ исполненіе. Постановленіе лица не забываетъ уваженія къ личности и чувства челоѳческаго достоинства, и въ этомъ отношеніи отличается отъ уставовъ другихъ современныхъ ему учебныхъ заведеній, гдѣ личность и чувство собственнаго достоинства или систематически попирались, или не принимались въ соображеніе. Одною изъ отличительныхъ особенностей новаго учрежденія было отсутствіе телесныхъ наказаній, и постановленіе даже не упоминаетъ объ этомъ полицейскомъ элементѣ, считавшемся необходимымъ въ дѣлѣ воспитанія. Въ этомъ отношеніи составители положенія далеко опередили педагоговъ нашего времени, публично поднимавшихъ вопросъ, сѣчь или не сѣчь воспитанниковъ, и не стыдившихся разрѣшать его утвердительно. Впрочемъ, розга постоянно имѣла такое неотразимое обаяніе на воспитателей русскаго юношества, что впоследствии и лицей, подвергся въ этомъ отношеніи общей участи нашихъ учебныхъ заведеній.

Не касаясь предметовъ и объема ученія, скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи словесности и нравственныхъ наукъ, какъ имѣюшемъ близкое отношеніе къ настоящей стагѣ. Въ начальномъ курсѣ, раздѣлявшемся на три класса или года, кромѣ преподаванія грамматикъ, читались избранныя мѣста изъ французской, нѣмецкой и русскаго словесности, и изъ послѣдней преимущественно оды Ломоносова и Державина и басни Хемницера и Дмитріева. Чтеніе это во второй и третій годъ сопровождалось разборомъ и упражненіями въ слогѣ. Сверхъ того, въ теченіе трехъ лѣтъ много времени потрачено на преподаваніе риторики. Въ окончательномъ курсѣ къ чтенію избранныхъ авторовъ и упражненію въ сочиненіяхъ присоединялись: «руководство къ подражаніямъ и переложенію красотъ одного языка на другой», изученіе синонимовъ, эстетика, исторія изящныхъ искусствъ и философская грамматика. Профессоромъ русскаго и латинскаго словесности былъ

Н. Ѳ. Кошанскій, уже имѣвшій нѣкоторую литературную извѣстность, и участвовавшій тогда во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Довольно обстоятельная біографія его напечатана въ «Памятной книжкѣ» лицея на 1856—1857 г., и потому не будемъ распространяться объ этой личности. Лекціи Кошанскаго были занимательны, неприужденны и походили на бесѣды, вслѣдствіе чего онъ, преимущественно предъ другими преподавателями, былъ приближенъ къ воспитанникамъ. До насъ дошло неизданное стихотвореніе Илличевского *Освобожденіе Бѣлграда*, съ отмѣтками и поправками Кошанскаго. Онъ показываютъ, какъ, сообразно съ духомъ времени, поощрялась напыщенность и ходульность, и порицалась простота, считавшаяся низкою, и свидѣтельствуютъ, между прочимъ, съ какою ревностью на первыхъ порахъ Кошанскій занимался своимъ дѣломъ. Жаль, что жусъ педагога далеко не равнялся его усердію. Вѣруя въ непогрѣшимость правилъ, предписывавшихъ поэту парить, а прозаику течь, Кошанскій требовалъ того же отъ своихъ учениковъ, и въ одѣ Илличевского замѣнилъ выраженія: *двѣнадцать дней, колодцы выкопавъ, напрасно, площади, говорить*, по его мнѣнію, болѣе эпическими: *двѣнадцать кратъ, изрыши кладези, тщетно, шумные стоны, вѣщать*, и т. п. Кошанскому особенно понравилась слѣдующая строка, возлѣ которой онъ приписалъ: «вотъ поэзія! прекрасно!»

Спускалось солнце: день ужъ къ вечеру клонился:
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осення шуму волнъ.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строфѣ:

Уныло граждане другъ на друга смотрѣли:
Что въ крайности такой имъ было предпринять?
Въ отчаяньи врата отверзть врагу хотѣли,
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отмѣтилъ: *le plus beau vers*», а остальное исправилъ такъ:

Уныло граждане съ высокихъ стѣнъ взирали,
Колѣбляя мыслями, что въ бѣдствахъ предпринять?
Уже врагу отверзть врата они желали
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Неудовлетворительность этих поправок была сознаваема и самим профессором, который къ одной изъ нихъ приписалъ: «и это неудачно». Какъ ни смѣшны теперь подобныя исправленія, но онѣ были въ духѣ времени и соотвѣтствовали ложному, схоластическому направленію, которымъ заражена была вся тогдашняя литература. Мертвящее вліяніе его систематически извращало мысль и выраженіе, и только сильное дарованіе могло устоять противъ одуряющаго натиска риторическихъ ухищреній. Лицей однакожь и въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе другихъ заведеній: при самомъ учрежденіи его, въ обществѣ уже вѣяло новою жизнью, и въ то время, когда наше юношество душили безъ милосердія риторикою съ ея хріями, тропами и фигурами, какъ это и по нынѣ дѣлается еще въ семинаріяхъ, профессорамъ лица предписывалось «тщательно избѣгать пустыхъ школьныхъ украшеній». Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Кошанскій, трудившійся въ то время надъ сочиненіемъ риторики, отказался отъ своихъ убѣжденій, но и тогда онѣ уже были анахронизмомъ для молодаго поколѣнія.

О лекціяхъ Кошанскаго, съ которыми связаны первые стихотворные опыты Пушкина, сохранилось слѣдующее воспоминаніе въ «Запискахъ» Пущина: Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтического его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812-го. Въ числѣ напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина есть пьеса въ 12 строкъ *Роза* («Гдѣ наша роза»), отнесенная издателями къ 1815 г., и выбранная имъ для помѣщенія въ изданномъ въ 1826 г. собраніи его стихотвореній; но разность годовъ, и въ особенности предпочтеніе ея поэтомъ предъ другими юношескими его опытами, не допускаютъ предположенія, что эти стихи тѣ же самыя, о которыхъ упоминаетъ Пущинъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ заданнаго Кошанскимъ описанія розы. Другіе товарищи поэта припоминаютъ, что еще до «Розы» онъ написалъ, состязаясь съ Иличевскимъ, рыцарскую балладу, въ подражаніе балладамъ Жуковскаго, но и этотъ опытъ не сохранился. Впрочемъ, вопросъ, какое стихотвореніе Пушкина слѣдуетъ считать первымъ, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь для издательскихъ соображеній, а не для литературы, приобрѣтенія которой составляютъ обыкновенно не первыя, но послѣднія произведенія поэтовъ.

Въ числѣ «наставниковъ, хранившихъ юность» Пушкина, поэтъ съ особенною благодарностью вспоминалъ о Куницынѣ, профессорѣ «нравственныхъ наукъ», курсъ которыхъ, по программѣ лицея, заключалъ не только философскія, но юридическія и политическія науки, всего двѣнадцать предметовъ. И эту—то массу свѣдѣній долженъ былъ передавать почти дѣтямъ молодой человѣкъ, только что вернувшійся изъ—за границы! Преслѣдованія, которымъ онъ подвергся въ 1820 г. за изданное имъ «Естественное право», и четыре стиха въ *Лицейской годовщинѣ* 1825 г. доставили Куницыну гораздо болѣе извѣстности, чѣмъ его личныя достоинства. «Куницынъ», говоритъ баронъ Корфъ, «былъ, конечно, даровитѣе своихъ товарищей и въ особенности говорилъ складнѣе, хотя и безъ большаго изящества. Сверхъ того у него было довольно живое воображеніе, и онъ обилывалъ разсказами, сравненіями и т. п. Но все это было замѣтно въ немъ больше въ началѣ, пока онъ преподавалъ намъ нравственную философію. Послѣ, при переходѣ въ римское и русское право, въ политическую экономію и финансы, онъ сталъ все болѣе и болѣе остывать къ своимъ предметамъ, а мы къ его лекціямъ. Притомъ система его преподаванія была самая неудачная. При немѣннн въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ, онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и заучивать *слово въ слово* совершенно «въ долбязку», такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы. Отъ этого въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должны были изощряться разумніе и способность свободно изъясняться, мы обращались въ совершенныя машины»... Вотъ печальная дѣйствительность, которой воображеніе поэта дало такой поэтической образъ:

Куницыну дань сердца и вина!
 Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
 Поставленъ имъ краугольный камень,
 Имъ чистая лампада возжена...

Почти такимъ же способомъ «возжигали лампаду» и другіе преподаватели. Профессоромъ нѣмецкаго языка и словесности былъ Гауеншильдъ, котораго ненавидѣли воспитанники. «Родомъ изъ Австріи», говоритъ баронъ Корфъ, «онъ не нравился намъ уже потому, что былъ нѣмецъ, и, вопреки отзыву г. Бартевева, очень смѣшно изъяснялся по русски. Сверхъ того, при довольно заносчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служитъ «національная» пѣсня, которая пѣвалась хоромъ на голось гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи

«Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, безъ всякаго секрета, и только что не въ лицо самому ея герою»:

Въ лицейской залѣ тишина,
 Диковинка межъ нами!
 Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
 Съ лакрицей за зубами,

«которую онъ имѣлъ привычку жевать постоянно. Лекціи свои Гауеншильдъ читалъ всегда на французскомъ языкѣ: это объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ насъ, и даже многіе, не знали ни слова по нѣмецки; но все же странно было, что одинъ живой языкъ преподавался на другомъ»...

Каѳедру французскаго языка и словесности занималъ профессоръ де-Будри, переименованный, по высочайшему повелѣнію, въ эту фамилію изъ настоящей — Маратъ. «Де-Будри», продолжаетъ баронъ Корфъ, «забавный коротенькій старичокъ, съ толстымъ брюшкомъ, съ насаленнымъ, слегка напудреннымъ парикомъ, кажется никогда не мывшійся и развѣ только однажды въ мѣсяцъ перемѣнявшій бѣлье — одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполне понималъ свое призваніе, и, какъ человекъ въ высшей степени практической, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Куницынъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность, способность правильнаго мышленія, а чрезъ нее и на другую способность: логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ. Не могу согласиться съ г. Бартеневымъ или г. Нащокинымъ, чтобы уроки де-Будри были для насъ всѣхъ «веселѣе»: напротивъ, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ, и какъ бы въ мщеніе за то, что въ его классѣ, подъ его Аргусовымъ глазомъ, нельзя было и думать о какомъ нибудь стороннемъ занятіи, мы дразнили его разными школьными продѣлками; но теперь каждый изъ насъ, конечно, отдастъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе».

О средствахъ къ практическому обученію языковъ, подъ наблюденіемъ неспособнѣйшихъ гувернеровъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ тѣхъ же «Замѣтокъ»: «Насъ, по временамъ, заставляли говорить по нѣмецки, по французски, для чего назначались опредѣленные дни; но это былъ почти одинъ фарсъ. Съ утра дежурный гувернеръ вручалъ кому либо изъ воспитанниковъ билетъ, который надлежало передавать первому, захваченному въ тотъ день въ разго-

ворѣ по русски. Этотъ захваченный передавалъ билетъ тому, котораго удавалось ему съ своей стороны поймать въ подобной запрещенной бесѣдѣ, и такъ далѣе, до извѣстнаго часа, по наступленіи котораго тотъ, у кого окончательно оказывался билетъ, подвергался наказанію. Это значило вызывать товарищей къ шпіонству и обману; но на дѣлѣ выходило иначе. Тотъ, кому первому давался билетъ, обыкновенно держалъ его у себя все время до опредѣленнаго часа и въ продолженіе этого времени никто и не подумалъ говорить иначе, какъ по русски. Только въ послѣднія минуты начиналась ловля разными хитростями; случалось же и такъ, что къ опредѣленному часу билетъ совсѣмъ пропалъ безъ вѣсти».

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала курса неожиданно объявлено запрещеніе выѣзжать изъ лицея. Это распоряженіе, неудобство котораго вполнѣ уже сознано въ наше время, отнимая возможность развлеченій внѣ Царскаго Села, и разобщая лицеистовъ съ остальнымъ міромъ, который, по выраженію Пушкина, дѣйствительно былъ для нихъ «чужбиною», связало ихъ неразрывною дружбою, и заставило искать въ своемъ кругу средствъ къ наполненію досуговъ и развлеченію. Дѣтскія игры, преимущественно военныя, въ которыхъ первенствовалъ Иличевскій, командовавшій маленькимъ войскомъ въ качествѣ генерала отъ инфантеріи, смѣнялись забавами ума и воображенія, и мало по малу устроились домашніе спектакли. Первою исполненною пьесю была вызванная тогдашними обстоятельствами комедія *Ополченіе*. Представленіе это происходило безъ особенныхъ приготовленій, въ незатѣливой костюмировкѣ шинелями, вывороченными на изнанку. Потомъ играли *Новаго Стерна*, комедію князя Шаховскаго, при исполненіи которой служили, вмѣсто декораций, разноцвѣтныя ширмы. Для этого же театра было написано нѣсколько пьесъ гувернеромъ Иконниковымъ, внукомъ знаменитаго актера Дмитревскаго. А. Н. Иконниковъ, служившій въ лицѣ съ 1811 по 1812 г., принималъ дѣятельное участіе въ спектакляхъ и другихъ развлеченіяхъ воспитанниковъ, и хотя былъ любимъ нѣкоторыми изъ нихъ, но не пользовался ихъ уваженіемъ. Напечатанный г. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» отрывокъ изъ его записокъ о характерѣ Ик. (стр. 26) относится къ Иконникову. По словамъ поэта, Иконниковъ имѣлъ дарованія, писалъ изрядно стихи и любилъ поэзію. «Вы читаете ему свою пьесу — на отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; за то за самыя посредственныя стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ... Его любятъ иногда, смѣшаютъ онъ часто, а жалокъ почти всегда». Другую характеристику Иконникова находимъ въ «Замѣткахъ» барона Корфа: «Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ чловѣкѣ всѣ хорошія

качества подавлялись неодолимою страстью къ пьянству, доходившею до того, что когда водка перестала уже казаться ему средством довольно возбуждающимъ, онъ выпивалъ залпомъ по цѣлымъ стеклянкамъ гофманскихъ капель. Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами съ ширмами, вмѣсто кулисъ, и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ царскосельскою публикою. Въ одной такой пьесѣ, названной, кажется, «Розою безъ шиновъ», и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Масловъ; но послѣ перваго дѣйствія, ему сдѣлалось дурно, и во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только, разумѣется, съ другою наружностью, но даже въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а вдобавокъ мертвецки пьяный, сбивая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты роли, и не помнилъ ни точныхъ словъ, ни репликъ. Мистифицированной публикѣ предоставлялось самой догадаться, что Масловъ и Иконниковъ въ такихъ разныхъ видахъ — одно и то же лицо». Изъ пьесъ Иконникова уцѣлѣла въ рукописи комедія въ одномъ дѣйствіи *Добрый помѣщикъ*, написанная для М. Л. Яковлева, отличавшагося мимическимъ талантомъ. Въ ней участвовали: Масловъ, Пушинъ, Костенскій, Иличевскій, Яковлевъ и Корсаковъ. До содержанія комедіи, до крайности наивнаго, намъ нѣтъ дѣла. Она представлена 30-го августа въ день именинъ императора Александра, а послѣ нея пропѣты Яковлевымъ съ хоромъ, сочиненные Иконниковымъ же, куплеты. Но домашніе спектакли скоро прекратились: министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, какъ видно изъ дѣлъ лицейскаго архива (№ 87, 1812 года), узнавъ стороною о драматическомъ представленіи 30 августа въ присутствіи постороннихъ лицъ, выразилъ директору лицея Малиновскому крайнее свое неудовольствіе, находя, что безъ вѣдома его не слѣдовало дѣлать распоряженій, имѣвшихъ связь съ нравственнымъ воспитаніемъ. Въ концѣ того же года гувернеръ С. Г. Чириковъ, который сочинилъ трагедію въ стихахъ *Герой сѣвера*, ходившую тогда въ рукописи, и у котораго собирались иногда воспитанники, передалъ директору просьбу ихъ о дозволеніи имъ въ свободное время сочинять и представлять театральныя пьесы, но министръ не согласился, опасаясь, чтобъ это не отвлекло отъ уроковъ. Однакожь, спустя нѣкоторое время, спектакли возобновились, и въ 1815 г. представленія давались съ декораціями, писанными придворнымъ живописцемъ Бруни, отцомъ нынѣшняго ректора академіи художествъ Ѳ. А. Бруни. На этомъ театрѣ были представлены: перелавная изъ старинной французской пьесы Patelin комедія *Стряпчій*

Щетило, комедія *Ссора или два сосѣда князя Шаховскаго*, старинныя драмы *Le juge bienfaisant* и *L'abbé de l'Érée* (знаменитый воспитатель глухонѣмыхъ и изобрѣтатель ихъ языка). О представленіи послѣдней драмы находимъ слѣдующія подробности въ «Замѣткахъ» барона Корфа: «Въ послѣдніе уже годы намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму «*L'abbé de l'Érée*», въ которой де-Будри передѣлалъ всѣ женскія роли въ мужскія, и любовниковъ превратилъ въ друзей. Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяць мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями, и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же, что князь Шаховской для настоящихъ. И декламация обоихъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: слишкомъ высокопарна и на ходуляхъ».

Въ то же время, т. е. до 1815 г., у одного изъ царскосельскихъ жителей, графа В. В. Толстаго, былъ домашній театръ, на которомъ играла труппа, составленная изъ крѣпостныхъ людей. Подобныя за-тѣи, для которыхъ сгоняли

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

были тогда не рѣдкость, и царскосельскій любитель театра не представлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Лицейсты посѣщали его спектакли, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однакожь, была плохую актрисою. Къ ней Пушкинъ написалъ въ 1814 году напечатанныя въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ посланія *Къ Натальѣ* и *Къ молодой актрисѣ* (изд. 1859 г. т. I стр. 549 и 551). Г. Геннади, въ «Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина» (стр. 100) говоритъ, со словъ г. Лонгинова, что къ ней же написано и стихотвореніе *Къ Наташѣ* (тамъ же, стр. 548); но это несправедливо: оно, какъ увидимъ ниже, относится къ другому лицу.

Но первое мѣсто между развлеченіями занимали общія бесѣды, устроенныя воспитанниками въ самомъ началѣ курса. Эти бесѣды, на которыхъ каждый обязанъ былъ рассказать что нибудь, выдуманное или прочитанное, развивали воображеніе и наклонность къ литературѣ. Запасъ рассказовъ, анекдотовъ и стиховъ, читанныхъ въ дружескомъ кругу, мало по малу увеличивался; нѣкоторые изъ нихъ записывались и переходили изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ 3 декабря 1811 г. явился первый листъ перваго лицейскаго журнала подъ названіемъ «Вѣстникъ», издателемъ котораго былъ Корсаковъ. Есть поводъ думать, что еще до изданія этого листка, хотя и выставленъ на немъ № 1, существовали другіе, потому что въ немъ дважды упо-

минается о «лицейскихъ газетахъ», которыя издавалъ тотъ же Корсаковъ.

Не утомляя читателей подробнымъ описаніемъ этого дѣтскаго опыта журналистики, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Пушкину, ограничимся краткимъ обзорѣмъ листка. Первая страница занята извѣстіемъ о ссорахъ и примиреніяхъ между лицами, для насъ не интересными. Описаніе это переполнено ошибками противъ смысла и грамматики, и свидѣлствуетъ о невысокомъ уровнѣ образованія юношества, поступившаго въ лицей. За извѣстіями слѣдуетъ «Смѣсь», въ которой помѣщены: не дурное для 12-ти-лѣтняго возраста, и, вѣроятно, первое стихотвореніе Иличевского *Сила времени*, и *Отрывокъ изъ грозы С-тъ Ламберта*, переведенный съ французскаго Кюхельбекеромъ. Последнее стихотвореніе, переведенное, сколько можно догадаться, изъ поэмы Ламберта *Les Saisons*, такъ плохо, что даже не имѣетъ смысла, и помѣщено въ насмѣшку надъ переводчикомъ, слабо знавшимъ русскій языкъ. Объ этихъ стихахъ Пушкинъ вспоминалъ спустя болѣе десяти лѣтъ въ письмѣ къ брату отъ 4 сентября 1822 года изъ Кишинева, напечатанномъ въ статьѣ г. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861 года, №№ 103 и 104). Пушкинъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что стихи Кюхельбекера къ Грибоѣдову «достойны поэта нѣкогда написавшаго: страхъ призывоѣ мѣди заставляетъ народъ утраченный толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежащій и проч.» Дѣйствительно, память не измѣнила Пушкину, и эти строки почти безъ преувеличенія приведены изъ названнаго нами стихотворенія Кюхельбекера. Въ последнемъ отдѣлѣ листка, «Разныхъ извѣстіяхъ», находимъ указаніе, объясняющее причину ранней литературной дѣятельности, кипѣвшей въ этомъ замкнутомъ кружкѣ: «Мартынъ Степановичъ Пилецкій, инспекторъ лицей, предложилъ слѣдующее: учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобъ всякій членъ сочинилъ что нибудь въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, безъ чего его выключать».

Предложеніе Пилецкаго, за которое воспитанники ухватились, какъ за средство къ препровожденію времени, имѣло вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности, требовавшей цѣли и исхода, и послужило однимъ изъ основаній характеристической особенности лицейскаго воспитанія. М. С. Пилецкій-Урбановичъ, надзиратель по учебной и нравственной части (его не слѣдуетъ смѣшивать съ братомъ его, поступившимъ въ 1812 году гувернеромъ, Ильею Пилецкимъ,

человѣкомъ, по выраженію Гоголя «беззаботнымъ на счетъ литературы») былъ образованъ, съ даромъ слова и убѣжденія, не святоша, мистикъ и плюминатъ, старавшійся обращать воспитанниковъ отъ всѣхъ чувствъ человѣческой природы, даже отъ любви къ родителямъ, исключительно къ Богу. Для достиженія этой цѣли, онъ позволялъ себѣ самыя дурныя отзывы о родственникахъ воспитанниковъ, которые, наконецъ, обидѣлись и вынудили его оставить лицей. «Если бы мы долѣе остались въ его рукахъ, — пишетъ баронъ Корфъ, — онъ непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ іезуитовъ. Съ своею длинною и высокшею фигурою, съ горящимъ всѣми огнями фанатизма взглядомъ, съ кошачьими походкою и приѣмами, наконецъ, съ жестокоряднокровною и ироническою, прикрытою видомъ отцовской нѣжности, строгостію, Пшлецкій долго жилъ въ нашей памяти, точно какое нибудь привидѣніе изъ другаго міра. Любопытно то, что послѣ онъ служилъ слѣдственнымъ приставомъ петербургской полиціи, а въ 1837 году, за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ высланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь»...

Хотя первый опытъ журналистики ограничился однимъ листомъ, да и тотъ остался недописаннымъ, но образовавшееся, по предложенію Пшлецкаго, литературное общество горячо принялось за свое дѣло, и въ слѣдующемъ (1812) году явилось уже два журнала: *Для удовольствія и пользы* и *Неопытное перо*. Издателями перваго, продолжавшагося и въ 1813 году и вышедшаго въ числѣ 12 номеровъ, были: Вольховскій, Есаковъ, Иличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ; второй же, въ которомъ помѣщено упомянутое выше стихотвореніе Пушкина «Роза», издавался Пушкинымъ, Дельвигомъ и Корсаковымъ, и вышелъ въ нѣсколькихъ номерахъ; но ни тотъ, ни другой не сохранились. Всѣ лицейскіе журналы, кромѣ упомянутаго «Вѣстника» и четырехъ номеровъ «Лицейскаго Мудреца», о которомъ сказано ниже, взяты въ 1825 г. М. И. Пушинымъ, который, чрезъ своего брата И. И. Пушина, былъ близокъ къ лицейскому кружку, и пропали вмѣстѣ съ другими любопытными бумагами. По прекращеніи упомянутыхъ журналовъ, въ 1813 г. явился новый, *Юные Пловцы*, издателями котораго были: Пушкинъ, Дельвигъ, Иличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Вышло только два номера. О содержаніи «Юныхъ Пловцовъ» даетъ нѣкоторое понятіе найденная въ сообщенныхъ намъ бумагахъ записка Иконникова, который уже былъ уволенъ отъ должности гувернера, но не смотря на это, не охладѣлъ къ литературнымъ затѣямъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ. Иконниковъ пишетъ, что онъ «съ сердечнымъ удовольствіемъ» видѣлъ успѣхи ихъ въ изданіи журнала, «сочиненія, въ ономъ помѣщаемыя, читалъ съ равномѣр-

нимъ», и сохранилъ въ памяти «баллады: Громобой или Буревой, Галебъ и Кантемира, прозаическія сочиненія: Изяславъ кн. Горчакова, Полордъ г. Есакова, Освобожденіе Полоцка, Бѣлграда, Кіева, писанныя участвующими или сотрудниками обществъ, такъ и Гренобль г. Маслова, басни гг. Яковлева и Дельвига». Желая участвовать въ этихъ занятіяхъ, Иконниковъ просилъ принять его въ корреспонденты. Въ томъ же году изданіе журналовъ, какъ отвлекавшее воспитанниковъ отъ ученія, было запрещено. Ученье однакожь не выиграло отъ этого, а запрещеніе издавать журналы не только не достигло цѣли, но вызвало противодѣйствіе. Съ 1813 г., немедленно по прекращеніи «Юныхъ Пловцовъ», являются всевозможные сборники. Нѣкоторые члены общества «издали» свои сочиненія отдѣльными тщательно переписанными тетрадями. Одинъ изъ нихъ переписалъ свои басни въ особую тетрадь съ эпитафюмъ: «хоть худо, но свое». Илличевскій, изливавшій эпитафюмы

На недруга и друга,

написалъ по этому случаю слѣдующую:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:

«Хоть худо, но свое».

И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:

Что худо, то твое,

Что хорошо — чужое.

Баснописецъ, желая видѣть свои произведенія въ печати, посылалъ ихъ, для помѣщенія въ «Россійскомъ музеумъ», В. Измайлову, котораго просилъ скрыть его имя; но басни не явились въ журналѣ. Обстоятельство это вызвало новую эпитафюму Илличевскаго, напечатанную въ его «Опыткахъ въ антологическомъ родѣ», изданныхъ въ 1827 г. (стр. 98):

УВАЖЕННАЯ СКРОМНОСТЬ.

Нагромоздивши басень томъ,

Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетради,

Прося изъ скромности издателя о томъ,

Чтобъ имени его не выставялъ въ печати:

Издатель скромностью такую тронуть былъ,

И имя онъ, и басни — скрылъ.

Отъ одного изъ подобныхъ сборниковъ, подъ заглавіемъ *Лицейская антологія*, собранная трудами пресловутаго *гійшій*, съ эпитафюмъ:

Genus irritabile vatum, уцѣляло нѣсколько листовъ. Подъ псевдонимомъ *ійшій* скрывался тотъ же Илличевскій, напечатавшій въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. эпиграмму съ этою подписью, которую измѣнилъ въ томъ же году на *ій ни іій*, заимствуя послѣднюю изъ повторенія этихъ буквъ въ своемъ имени и фамиліи: Алексій Илличевскій. Эта тетрадь заключала 111 мелкихъ стихотвореній, судя по цифрѣ, выставленной надъ послѣднимъ изъ нихъ. Послѣдніе уцѣлѣвшіе листки ея сохраняютъ нѣсколько стихотвореній Пушкина, изъ которыхъ напечатаны только четыре: «Скажи что новаго?» *Твой и мой*, *Экспромтъ на А.* и *Надпись въ бестыдкѣ* (изд. 1859 г. т. I, стр. 574, 569, 570 и 564). Остальныя — эпиграммы, не напечатанныя и весьма слабыя. Вотъ двѣ изъ нихъ, сравнительно лучшія:

I.

«Больны вы, дядюшка?» — Нѣтъ мочи
 Какъ беспокоюсь я! три ночи,
 Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ.
 — Да слышалъ, слышалъ, въ банкѣ игралъ.

II.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
 Обиды, пѣсни — все прощаю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

Нѣсколько эпиграммъ этого сборника написаны Пушкинымъ на Пучкову, которая въ 1812 г. издала свои «Первые опыты въ прозѣ», а послѣ того напечатала въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г. и другихъ журналахъ нѣсколько плохихъ стихотвореній. Вотъ одна изъ нихъ:

Зачѣмъ кричишь ты, что ты *два*,
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
 О, вижу я, пѣвица Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ.

Объясненіе этой эпиграммы находимъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1816 г. (№ 277), гдѣ напечатанъ ея экспромтъ тѣмъ, когорые уко-

ряли ее, для чего она не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина:

Дѣвъ ли робкой
Арфой невзвучной
Славному барду
Пѣснь погребальную
Дѣвъ ль бряпать? и т. д.

Въ томъ же сборникѣ находятя два стихотворенія Дельвига, имъ же переписанныя: четверостишіе *Вакхъ*, напечатанное въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній, и нежданная надпись къ своему портрету....

Вопреки запрещенію издавать журналы, въ томъ же (1813) году Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій начали новый журналъ *Лицейскій Мудрецъ*, который выходилъ неправильно, то прекращался, то возобновлялся, но существовалъ съ небольшими промежутками въ теченіе трехъ лѣтъ, т. е. до конца 1816 года. Частое прекращеніе журнала вызывало многочисленныя эпиграммы, и между прочимъ, помѣщенную въ немъ пародію на *Пльца Жуковского*:

На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачете, — друзья! могила
Праха мудреца на вѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!

Содержаніе уцѣлѣвшихъ четырехъ нумеровъ «Лицейскаго Мудреца» не занимательно, потому что они имѣютъ совершенно мѣстный и слишкомъ личный характеръ. Главное участіе въ журналѣ принимали: Корсаковъ, сочинявшій стихотворенія и статьи отъ редакціи, Иличевскій, которому принадлежатъ каррикатуры и большая часть эпиграммъ, Дельвигъ и Данзасъ. Объ участіи двухъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ слова на оберткѣ журнала: «Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса». Въ составъ журнала входили: такъ называемая «изящная словесность», иногда критика и смѣсь съ каррикатурами. Пушкинъ, по истеченіи десяти лѣтъ, въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ стихотворенія 19 октября 1825 (т. I, стр. 334) воспоминаетъ:

Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески (*) мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ.

(*) А не планы какъ напечатано.

Предметами каррикатуръ были преимущественно товарищи, въ особенности Кюхельбекеръ, и возбуждавшій безпопадныя насмѣшки своею анекдотическою ограниченностью М — въ, которому Дельвигъ совѣтовалъ по этой причинѣ праздновать свои именины въ день «усѣновенія главы». Особенно доставалось М—ву по поводу сочиненія его о восходѣ солнца, сочиненія, о которомъ говоритъ г. Бартеневъ въ біографіи Пушкина, и начатаго выраженіемъ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы». Оно вызвало остроумную эпиграмму Илличевскаго, которая долго приписывалась Пушкину, и довольно злую статью въ «Лицейскомъ Мудрецѣ». Справедливость требуетъ однакожь замѣтить, что знаменитая фраза не принадлежитъ М — ву, а была не кстати похищена имъ у А. П. Буниной. Въ собраніи ея произведеній, изданныхъ въ 1809 г. подъ заглавіемъ «Неопытная Муза», находимъ (стр. 30) элегію *Сумерки*, начинающуюся стихомъ:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы,

навлекшимъ гоненія на неразборчиваго похитителя. Большая часть журнала занята шуточными стихотвореніями и «національными пѣснями», заключающими намеки, имѣющіе значеніе лишь для кружка, въ которомъ составились. Изъ множества эпиграммъ приводимъ лучшую, написанную Илличевскимъ на одного изъ товарищей, сочинившаго басню *Ослы*:

О чемъ ни сочинить бывало,
 Марушкинъ, борзый стихотворъ,
 То вѣрь, что не солжешь ни мало,
 Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
 Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
 И басня хоть куда! но страненъ ли успѣхъ?
 Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
 И слѣдственно опишетъ лучше всѣхъ.

Кромѣ упомянутыхъ журналовъ издавался еще каррикатурный, въ которомъ, подъ руководствомъ гувернера и учителя рисованія Чирикова, участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ.

Главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ журналовъ былъ Илличевскій, который, въ началѣ курса, по легкости писать стихи, превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей, и считался въ ихъ кружкѣ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинымъ, а Пушкина Дмигріевымъ, и раздѣлились на двѣ партіи, спорившія о томъ, которому изъ нихъ отдать преимущество. Вопреки однакожь похваламъ, которыя вызвало раннее его развитіе, Илличевскій никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго поэтического таланта, и не подвинувшись ни на одинъ

шагъ даѣе первыхъ своихъ опытовъ, былъ до конца жизни только острякомъ, и притомъ довольно пошлымъ.

Несравненно труднѣе давались стихи Дельвигу и Кюхельбекеру, принимавшимъ, послѣ Пушкина и Илличевского, самое дѣятельное участіе въ описываемомъ литературномъ обществѣ. Дельвигъ, при вялой натурѣ, началъ поздно и неохотно учиться, а потому умственное развитіе его шло медленно. До поступленія въ лицей онъ воспитывался дома подъ руководствомъ гувернеровъ; но первому скоро отказали, потому что мальчикъ не хотѣлъ у него учиться, а припуждать опасались, по слабости его здоровья; со вторымъ же онъ занимался охотнѣе, и болѣе всего мифологіею. Книгу о ней онъ не выпускалъ изъ рукъ, и отправляясь въ лицей, отдалъ на сохраненіе матери. Дѣйствительно вліяніе греческой мифологіи обозначилось съ самыхъ первыхъ произведеній Дельвига, и не прекращалось въ теченіе всей его кратковременной дѣятельности: мифологическія личности являются не только почти въ каждомъ изъ его ученическихъ стихотвореній, но даже въ письмахъ къ роднымъ и въ шуточныхъ стихотворенійхъ. Ученическіе опыты Дельвига свидѣлствуютъ о насильственномъ процессѣ его мышленія и воображенія. Предметы, которые избиралъ онъ, не представлялись ему сами, вызывая въ немъ потребность высказаться; онъ выискивалъ ихъ, стараясь настроить себя на поэтическій, и, конечно, всегда фальшивый тонъ. Въ сообщенныхъ намъ бумагахъ находимъ описанія разрушенія міра, грозы на Альпахъ, которые Дельвигъ могъ видѣть только на географическихъ картахъ, и нѣсколько отрывковъ въ томъ же ужасномъ родѣ. Изъ нихъ нѣкоторое отношеніе къ окружающей поэта дѣйствительности по выбору предмета, имѣетъ только описаніе зимы, но и тутъ не обошлось безъ музы, борея, зэфировъ и перуновъ. Кипу ученическихъ стихотвореній Дельвига 1812 и 1813 гг. довершаютъ нескладная и длинная пѣснь барда в *Всецлавъ* и баллада *Полякъ*, написанная подъ вліяніемъ пользовавшихся тогда величайшимъ успѣхомъ сладенькихъ балладъ Жуковского. Пустота и нелѣпость выбора первыхъ произведеній Дельвига объясняется бѣдностью умственныхъ его представленій, отчасти вслѣдствіе недостатка въ основательномъ чтеніи, на которое, какъ и на всякое другое серьезное занятіе, онъ былъ лѣнивъ. Считаая лѣнность своимъ призваніемъ, онъ выставлялъ ее и рисовался ею въ своихъ стихотворенійхъ, которыя въ этомъ отношеніи вполнѣ субъективны. Лѣнность и безпечность считались тогда необходимою принадлежностью поэта, и Дельвигъ заплатилъ обильную дань этой литературной модѣ, которой вполнѣ соотвѣтствовала его апатическая натура. По примѣру Батюшкова, написавшаго *Похвальное слово сну*, лицейскіе поэты наперерывъ воспѣвали лѣнность:

Пушкинъ написалъ посланіе *Оправданная лънь*, которое не сохранилось, а Дельвигъ еще въ первые годы лицейской жизни, въ стихотвореніи *Блдный Д.*, воспѣлъ свою «святую лъность», которая съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ страстью писать, отвлекавшею его и отъ уроковъ, и отъ веселья, не рѣдко давала поводъ къ шуткамъ и эниграммамъ со стороны товарищей.

Къ числу ревностныхъ дѣятелей описываемаго общества принадлежалъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ... Знакомый съ германскою литературою, онъ старался распространять въ своемъ кружкѣ классическія ея произведенія и читалъ ихъ съ своими товарищами. Дельвига онъ познакомилъ съ антологическими стихотвореніями Гельти и съ идилліями Геснера, давшими болѣе опредѣленное настроеніе его музѣ, блуждавшей во мракѣ. Съ нимъ же читалъ онъ Клопштока; но чтеніе «Мессіады», требующее извѣстнаго настроенія, въ котораго она невыносима, пью вяло, потому что Дельвигъ, любившій только языческую мифологію, былъ не охотникъ до мистической поэзіи, замѣчая, что «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе». Удивленіе Кюхельбекера Клопштоку дало поводъ къ довольно забавной карикатурѣ, бойко нарисованной Иличевскимъ... Кюхельбекеръ началъ поздно учиться по русски, и хоть изучилъ этотъ языкъ въ совершенствѣ, но въ выговорѣ навсегда сохранилъ признаки нѣмецкаго происхожденія. Русскіе стихи, при слабомъ знаніи языка, давались ему съ величайшимъ трудомъ до конца лицейскаго воспитанія. Пушкинъ, постоянно смѣявшійся надъ его безплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по нѣмецки, но Кюхельбекеръ возражалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи такъ еще мало, что и онъ будетъ не лишнимъ. Изъ лицейскихъ стихотвореній Кюхельбекера удѣляли весьма немногія. О его страсти къ стихотворству гораздо болѣе говорятъ эниграммы, которыми осыпали его товарищи, въ особенности Пушкинъ и Иличевскій. Передъ нами цѣлая тетрадь стихотвореній, написанныхъ преимущественно на Кюхельбекера. Сборникъ этотъ: *Жертва Мому или Лицейская Антологія* переписанъ въ 1814 г. Пушцинымъ. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину, но они не имѣютъ никакого достоинства, и потому не приводимъ ихъ. Не только литературныя неудачи, но даже наружность бѣднаго метромана, худаго, высокаго и довольно неуклюжаго, навлекла на него эниграммы. Вотъ одна изъ нихъ, написанная Иличевскимъ:

О П Р О В Е Р Ж Е Н І Е .

Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ

На свѣтъ въ твари тлѣнной.
 Явися, Вишнякъ, и докажи собой,
 Что ты и тѣломъ, и душой
 Уродъ пресовершенный.

Эпиграмма эта напечатана въ «Вѣстникъ Европы» 1814 г. (ч. 1, XXVIII ноябрь, № 22, стр. 103) подъ псевдонимомъ *йшій*, совершенно передѣланная, и уже безъ имени Кюхельбекера:

Клигъ смѣеть утверждать въ народѣ,
 Что совершенства нѣтъ въ природѣ.
 Вступишь за честь свою, Геродъ!
 Явись и докажи собою,
 Что ты и тѣломъ, и душой
 Пресовершеннѣйшій уродъ!

Изъ помѣщенныхъ въ сборникъ эпиграммъ написаны на Кюхельбекера: *Надпись на конную статую пушкаря В. фонъ-Ржеблехера, Пьвецъ, Жалкій человекъ, Вопросъ, О Донъ-Кихотъ, Наслучай когда Виля на балъ растерялъ свои башмаки, Виля Геркулесу, Хата поэта*, и нѣкоторыя другія съ намеками не вполне понятными. Относительно лучшая изъ нихъ слѣдующая, написанная Пушкинымъ:

НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

Внукъ Тредьяковскаго Клигъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
 Противу ямба, хорей злобой ужасною дышетъ:
 Мѣра простая сія все портитъ по мнѣнію Клита,
 Смысль затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ пиита.
 Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ новоситъ,
 Ямбъ охладилъ рюмача, гекзаметры жъ онъ заморозитъ,

Въ лицейскихъ бумагахъ мы нашли еще слѣдующее четверостишіе Пушкина:

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ;
 Онъ пѣсни пишетъ зло;
 Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, какъ Буало.

Объясненіе послѣдней строки находимъ въ четверостишіи Пушкина, напечатанномъ въ берлинскомъ изданіи его «Стихотвореній» (стр. 128):

Ты хочешь знать, моя драгая,
 Какая равница межъ Буало и мной? и проч.

Даже за порогомъ лица Пушкинъ употреблялъ фамилію Кюхельбекера для означенія скуки: въ одной изъ стихотворныхъ шутокъ, напечатанной въ берлинскомъ изданіи «Стихотвореній Пушкина» (стр. 108) и въ статьѣ г. Баргенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861, № 94; стр. 658), поэтъ сказалъ будто бы отъ имени Жуковского, котораго посѣщаль Кюхельбекеръ:

За ужиномъ объѣлся я,
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
 Такъ было мнѣ, мои друзья,
 И кюхельбекерно, и тошно.

Вспыльчивый Кюхельбекеръ, обидѣвшійся эпиграммой, затѣялъ съ ея авторомъ ссору, о которой рассказываетъ Баргеновъ. «Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ», писалъ Пушкинъ къ брату отъ 30 января 1823 года, изъ Кишинева. Эти выраженія были отголоскомъ воспоминаній о лицѣ, гдѣ въ числѣ «національныхъ» пѣсенъ, о которыхъ уже упоминалось, распѣвалась и слѣдующая:

Ахъ! тошно мнѣ
 На чужой скамѣ!
 Все не мило,
 Все постыло,
 Кюхельбекера тамъ нѣтъ! и проч.

Насмѣшки надъ Кюхельбекеромъ не ограничивались стихами и карриатурами, но нерѣдко переходили въ недостойныя шутки: такъ, напримѣръ, Дельвигъ, за объдомъ, вылилъ ему на голову тарелку супу. Кюхельбекеръ былъ этимъ выведенъ изъ терпѣнья, выбѣжалъ изъ-за стола въ садъ и бросился въ прудъ, чтобъ утопиться. Начальство лица, донося официально объ этомъ случаѣ, объясняло его, въ свое оправданіе, припадкомъ умственного разстройства, и въ архивѣ лица еще хранится дѣло «объ умопомѣшательствѣ Кюхельбекера» (№ 462, 1817 года). Происшествіе это, едва не кончившееся несчастьемъ, вызвало новыя насмѣшки: Илличевскій, въ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ», описалъ этотъ случай въ письмѣ отъ морскаго корреспондента, и нарисовалъ карриатуру, въ которой тащутъ Кюхельбекера изъ воды, но не могутъ вытащить длинныхъ его ногъ; а Корсаковъ написалъ пародію на извѣстную оду Дельвига къ *Діону* («Сядемъ, любезный Діонъ»):

Сядемъ, любезный Нептунъ, подъ тѣнью зеленыя тины, и т. д.

Въ 1814 году произошли перемѣны въ лицѣ: 23 марта скончался Малиновскій, а исправленіе должности директора было поручено Кошанскому; но «трезвый Аристархъ», какъ называлъ его Пушкинъ, въ

маѣ заболѣлъ бѣлою горячкою, и обязанности по управленію лицеемъ возложены были на конференцію. Члены ея, изъ которыхъ многіе жили въ Петербургѣ, не имѣли ни возможности, ни охоты, ни умѣнья исполнять эти обязанности, старались сваливать ихъ другъ на друга, перессорились между собою и привели заведеніе въ крайнее разстройство. Поэтому, въ сентябрѣ того же года, министръ назначилъ къ исправленію должности директора лица Гауеншильда, который, сверхъ обязанностей преподавателя, состоялъ директоромъ открытаго въ январѣ того же года благороднаго лицейскаго пансіона. Порученіе одному лицу, и при томъ неспособному, управленія двумя заведеніями повлекло безпорядки въ обоихъ, и «по необходимой надобности имѣть непрерывный надзоръ въ пансіонѣ», Гауеншильдъ 11 января 1816 г. уволенъ отъ исправленія должности директора лица, которое было поручено отставному подполковнику С. С. Фролову, опредѣленному въ лицей не задолго передъ тѣмъ, по мощному слову Аракчеева, надзирателемъ по учебной и нравственной части... Черезъ двѣ недѣли послѣ своего назначенія, Фроловъ былъ освобожденъ отъ обязанностей директора, а въ началѣ 1817 г. совершенно уволенъ изъ лица. Фроловъ и его дѣйствія изображены въ сочиненной общими силами «національной» пѣснѣ, которую распѣвали хоромъ, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ:

Ты былъ директоромъ лица,
Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ.

(Повторяется послѣ каждого стиха).

Приводимъ изъ этой характеристической пѣсни лишь нѣсколько отрывковъ, касающихся не личности Фролова, а сдѣланныхъ имъ нововведеній, обрисовывающихъ тогдашній лицейскій бытъ:

Ребята надились ромомъ,
За то Оому прогнали съ громомъ (*).

(*) Объ этомъ рассказываетъ Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 15—18). Замѣтимъ, что приведенные имъ стихи

Мы недавно отъ печали
Пушинъ, Пушкинъ, я, баронъ (Дельвигъ),
По бокалу осушали,
И Оому прогнали вонъ,

сочинены Пушкинымъ въ подражаніе не Дмитріеву, какъ говоритъ Пушкинъ и повторяетъ П. А. Ефремовъ въ «Библиографическихъ запискахъ» 1864 г. (№ 19, стр. 387), а стихотворенію Д. Давыдова *Мудрость*:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ.

Дѣтей ты ставишь на колѣни,
 Отъ графа (1) слушаешь ты пени. .
 По поведенью мы хлебаемъ (2),
 А все молитву просыпаемъ.
 Ты первый ввелъ звонка тревогу,
 И въ три ряда повелъ насъ... (3)
 На верхъ пускалъ насъ по билетамъ (4),
 Цензуру учредилъ газетамъ,
 Швейцара ссорилъ съ юнкерами (5):
 Насъ познакомилъ съ чубуками,
 Очистилъ мѣсто Константину (6):

(1) Разумовскаго.

(2) Фроловъ рассадилъ воспитанниковъ за столомъ по поведенію, вслѣдствіе чего говорили

Блаженъ мужъ, иже
 Сидитъ къ кашѣ ближе.

Въ одной изъ отброшенныхъ строкъ стихотворенія 19 октября 1825 г. (т. I. стр. 329) Пушкинъ вспоминаетъ объ этомъ порядкѣ

Садитесь, какъ вы сѣдились тамъ,
 Когда жѣста, въ тѣни святаго крова,
 Отличіе предписывало намъ.

Спартанскою душой пѣняа насъ,
 Воспитанныи суровою Минервою,
 Пускай опять Вольховскій будетъ первымъ,
 Последнимъ я, иль Бродьго, иль Давзасъ...
 Но многіе не явятся межъ нами..

Пускаи, друзья, пущѣтъ мѣсто ихъ
 Они придутъ конечно, надъ водами,
 Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,
 Они твердятъ томительный урокъ,
 Или романъ украдкой пожираютъ,
 Или стихи влюбленные слагаютъ,
 Забывъ, межъ тѣмъ, полуденный звонокъ.

(3) За молитвою стояли прежде въ рассыпную, а Фроловъ уставлялъ воспитанниковъ въ ряды.

(4) То есть въ однопочныя комнаты, куда воспитанники прежде ходили, ни у кого не спрашиваясь.

(5) Лейбъ-гусарскими, которыхъ запретилъ пускать въ лицей.

(6) Сазонову, котораго опредѣлилъ лядькои, и который, въ два года бытности въ лицѣ, совершилъ нѣсколько убійствъ. Обстоятельство это дало поводъ къ сочиненію шуточной поэмы *Сазоновгада*, а Пушкинъ написалъ по этому случаю эпиграмму, въ которой досталось и лицейскому доктору Пешелю, добродушнѣйшему весельчаку, менѣе всего заботившемуся о медицинѣ. Она неправильно на-

Леонтья чуть не выгналъ въ спину (¹).
 Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи,
 Съ людьми изъ всей воюешь мочи...
 Французскимъ забросалъ Вальвиля (²);
 Эмилией зовешь Эмиля (³)...
 Министръ позднеенько спохватился,
 Фролова листъ оборотился...

Неурядица въ управленіи лицеемъ продолжалась до назначенія директоромъ Энгельгардта, 27 января 1816 г. По поводу этихъ безпрестанныхъ перемѣнъ, Пушкинъ написалъ басню о душѣ, которая вслѣдствіе излишняго усердія заботившихся о ней, пошла по рукамъ всѣхъ чертей...

Происшествія этихъ двухъ лѣтъ Пушкинъ намѣренъ былъ описать довольно подробно, какъ видно изъ программы записокъ его, напечатанной г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 20): «1814 г. Смерть Малиновскаго. *Безначаліе*. Пріѣздъ Карамзина. Пріѣздъ матери, пріѣздъ отца, стихи etc. Мое тщеславіе. 15 лѣтъ... Извѣстіе о взятіи Парижа»...

Въ этотъ промежутокъ времени литературная дѣятельность лицейскаго кружка получила большій просторъ: журналы, имѣя цѣлью только препровожденіе времени и забаву, не были полнымъ выраженіемъ литературной дѣятельности описываемаго общества, и въ особенности Пушкина, который, съ самаго начала курса, уже сознательно понималъ свое призваніе. Въ 1814 году явились въ печати стихотворенія Пушкина, Дельвига, Иличевскаго и Яковлева. Патриотическое настроеніе, возбужденное въ литературѣ тогдашними событіями, выразившееся въ стихотвореніяхъ Карамзина, Жуковскаго и многихъ другихъ писателей, отразилось и въ лицейѣ. Воспитанники

печатана въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ поэта (изд. 1859 г. т. I, стр. 569), и потому приводимъ ее съ рукописи:

Завтра съ свѣчкой грошевою
 Явлюсь предъ образомъ святымъ.
 Мой другъ! остался я живымъ,
 Но былъ ужъ смерти подъ косяю:
 Сазоновъ былъ моимъ слугою,
 А Пешель лекаремъ моимъ!

Мы дѣлаемъ ссылки на послѣднее изданіе (В. А. Исакова), какъ болѣе полное и правильное.

(¹) Леонтій Кемерскій, любимый дядька воспитанниковъ, порядочный плутъ, снабжавшій ихъ лакомствами.

(²) Учитель фехтованія.

(³) Фроловъ воображалъ, что Эмиль, герой романа Руссо, — женщина.

его, съ самаго начала войны 1812 года, съ волненіемъ слѣдили за всѣми ея случайностями, жадно перечитывали каждую реляцію, и проливали горячія слезы при вѣсти о Бородинской битвѣ, выдававшейся тогда за побѣду, но въ которой они инстинктивно видѣли другое... Стихъ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать,

не былъ поэтической прикрасою: весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска, между которыми особенно поражалъ видъ ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Юноши прощались съ отправлявшими на войну, дѣйствительно «Завидуя тому», кто умирать шелъ мимо ихъ.

Полъ осень стали ихъ самихъ собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія на Петербургъ, перевезти лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется, въ Архангельскую губ. или въ Петрозаводскъ. Явился портной Мальгинъ примѣрять имъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили воинственную молодежь къ форменнымъ шинелямъ, и походъ, къ сожалѣнію патріотовъ, не состоялся. Успѣхи русскаго оружія, прославленіемъ которыхъ занималась почти вся тогдашняя наша литература, дали толчокъ и лицейской музѣ, которая, разумѣется, ничего не выиграла отъ этого искусственнаго возбужденія. До насъ дошли двѣ оды на взятіе Парижа, сочиненныя Илличевскимъ и Дельвигомъ. Первая изъ нихъ, написанная по рецепту Ломоносовскихъ и Державинскихъ одъ и сохранившаяся въ рукописи съ замѣчаніями и поправками Кошанскаго, весьма, однакожь, умѣренными, можетъ быть, и не дурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невыносимъ. Вторая, написанная бѣлыми стихами и весьма слабая, напечатана въ юньской книжкѣ «Вѣстника Европы» 1814 г. (ч. LXXV, № 12, стр. 272), съ подписью *Русскій*. Въ слѣдующей, юльской, книжкѣ (ч. LXXVI, № 13, стр. 9) напечатано стихотвореніе Пушкина *Къ другу стихотворцу*, съ подписью *Александръ Н. к. ш. п.* Оба стихотворенія были посланы редактору «Вѣстника Европы», В. Измайлову, одновременно, и первое изъ нихъ, какъ патріотическое и имѣвшее современный интересъ, было немедленно напечатано. Такимъ образомъ Дельвигъ раньше всѣхъ своихъ товарищей явился въ печати. Въ изданномъ въ 1861 г. «Указателѣ» къ «Вѣстнику Европы» стихотвореніе это не указано, такъ же какъ и прочія стихотворенія Дельвига, печатавшіяся въ томъ журналѣ съ подписью — *Д* —. Замѣтимъ также, что М. И. Семевскій, въ первой статьѣ объ А. Бестужевѣ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г., ошибочно считаетъ

(стр. 134) началомъ печатной дѣятельности Дельвига его *Прощальную пьсьнь*, напечатанную въ «Сынѣ Отечества» 1817 г., замѣчая (тамъ же, стр. 139), что первыя сочиненія Кюхельбекера «явились въ печати не ранѣе 1819 года». Стихотворенія Дельвига, такъ же какъ и лицейскія стихотворенія Пушкина, Илличевскаго и Яковлева, печатавшіяся съ 1814 г. въ разныхъ журналахъ, указаны въ «Современникѣ» 1853 г. (№ 2, критика, стр. 73—78) и «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г. (№ 6, смѣсь, стр. 138), и потому не перечисляемъ ихъ. Первыя же стихотворенія Кюхельбекера, *Мертвый къ живому* и *Пьсьнь Лапландца*, напечатаны съ подписью *Вильгельмъ* въ «Амфюнѣ», ежемѣсячномъ изданіи Мерзлякова на 1815 г. (кн. 9). Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. явились еще два лицейскихъ стихотворенія Кюхельбекера, написанныхъ въ 1816 г.: *Кофе* (ч. I, февраль, стр. 91) и *Зима* (ч. I, мартъ, стр. 60), оба съ подписью *Вильгельмъ Кюхельбекеръ*.

Появленіе въ печати, уронившее лицейскіе журналы и открывшее для ихъ сотрудниковъ болѣе широкое поприще, было первымъ шагомъ отъ дѣтскихъ опытовъ и литературныхъ забавъ къ серьезной поэтической дѣятельности.

II.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ ПУШКИНА. — ЕГО ПЕРВЫЕ НЕ-ИЗДАННЫЕ ОПЫТЫ. — ПЕРЕВОДЫ БОСИАНА И ВОЛЬТЕРА И ПОДРАЖАНІЯ ПАРНИ И ДРУГИМЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПОЭТАМЪ.

Развитіе Пушкина и вліянія, которымъ онъ подчинялся, можно опредѣлить по его произведеніямъ, составляющимъ поэтическую автобіографію. Бѣлинскій справедливо замѣтилъ («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 308), что «Пушкинъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ отличается именно тѣмъ, что по его произведеніямъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его не только какъ поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка и характера». Стихотворенія его тѣсно связаны съ обстоятельствами его жизни, находятся въ непосредственной отъ нихъ зависимости и объясняются ими. Потому, для болѣе яснаго уразумѣнія этой связи, мы будемъ одновременно говорить о тѣхъ и другихъ, не касаясь, однакожъ, общаго значенія произведеній Пушкина и пафоса его поэзіи. Задача эта, не входящая въ предметъ настоящей статьи, съ рѣдкимъ талантомъ выполнена Бѣлинскимъ; за которымъ, хотя съ появленія статей его прошло 18 лѣтъ, все еще остается, и, вѣроятно, долго еще останется послѣднее слово. Поэтому обращаемся прямо къ частностямъ и подробностямъ,

которыя, по недостатку въ то время біографическихъ данныхъ, не могли быть тронуты гениальнымъ критикомъ.

При всей жизненности и дѣйствительности, которыми поэзія Пушкина почти съ первыхъ же звуковъ отличалась отъ поэзіи его предшественниковъ, онъ началъ сочинять на чужомъ языкѣ и съ чужаго голоса. Французское воспитаніе, полученное имъ въ отцовскомъ домѣ, было причиною, что первые стихотворные опыты Пушкина, упоминаемые П. В. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 13), писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ, при поступленіи въ лицей, лучше чѣмъ русскимъ. Въ лицей, гдѣ всѣ имѣли свои прозвища, товарищи прозвали Пушкина *французомъ*, названіе, кѣторое, кромѣ насмѣшки, при патріотическомъ настроеніи въ эпоху нашествія французовъ, имѣло еще укорительное значеніе. Это воспитаніе и недостатокъ терпѣнія, чтобы преодолѣть первыя трудности русской версификаціи, вѣроятно, были причиною, что Пушкинъ писалъ по русски преимущественно прозою до 1814 года, и уже съ этого времени почти исключительно отдался поэзіи. Изъ прозаическихъ его опытовъ почти ничего не уцѣлѣло кромѣ небольшого отрывка изъ записокъ, напечатаннаго г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 22—27). Но, по рассказамъ товарищей его, онъ, въ первые два года лицейской жизни, написалъ романъ въ прозѣ: *Цыганъ* и вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ комедію: *Такъ водится въ свѣтѣ*, предназначавшуюся для домашняго театра. Послѣ этихъ опытовъ, онъ началъ комедію въ стихахъ: *Философъ*, о которой упоминаетъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ его біографіи г. Анненковымъ (стр. 23); но сочинивъ только два дѣйствія, охладѣлъ къ своему труду и уничтожилъ написанное. Въ то же время онъ сочинилъ, въ подражаніе Баркову, поэму *Монахъ*, которую также уничтожилъ, по совѣту одного изъ своихъ товарищей. Увлеченный успѣхомъ талантливаго и остроумнаго произведенія дяди. В. Л. Пушкина, *Опасный Сосѣдъ*, которое ходило тогда въ рукописи и съ жадностію читалось и перечитывалось, племянникъ пустился въ тотъ же роль, и кромѣ упомянутой поэмы написалъ: *Тѣнь Баркова*, балладу, извѣстную по нѣсколькимъ спискамъ. Послѣднюю онъ выдавалъ сначала за сочиненіе князя Вяземскаго, но увидѣвъ, что она пользуется большимъ успѣхомъ, признался, что написалъ ее самъ. Это стихотвореніе, неудобное вполне для печати, представляетъ мѣстами пародію на балладу Жуковскаго *Громобой*. Оно начинается описаніемъ, какъ

Однажды, зимнимъ вечеркомъ
сошлись

Поэтъ, корнетъ уланскій,
Московскій модный молодець,

Подъячій изъ сената,
 Да третьей гильдіи купецъ,
 Да пьяныхъ два солдата.

Герою баллады, котораго Пушкинъ сравниваетъ съ поэтомъ Хвостовымъ, «обиженнымъ природой»,

Явилась тѣнь, идетъ къ нему
 Дрожащими стопами,
 Сіяя сквозь ночную тому
 Огнистыми очами.

6.

«Что сдѣлалось съ дѣтиной тутъ?»
 Вѣщало привидѣнье.

. . . . .

7.

И страхомъ пораженный....,
 Не могъ сказать ни слова,
 Свалился на полъ, будто спопъ,
 Къ портищамъ онъ Баркова.

. . . . .

8.

«Ты видишь, продолжалъ Барковъ:—
 Я вмигъ тебя избавилъ,
 Но слушай: изо всѣхъ пѣвцовъ
 Никто меня не славилъ:
 Никто! такъ . . . . .!
 Хвалы мнѣ ихъ не нужны.
 Лишь отъ тебя услуги жду —
 Пиши въ часы досужны!
 Возьми задорный мой гудокъ,
 Играй, какъ ни попало!
 Вотъ звонки струны, вотъ смычокъ,
 Ума въ тебѣ не мало.

9.

Не пой лишь такъ, какъ пѣлъ Бобровъ,
 Ни Шелехова тономъ,

Шихматовъ, Палицынъ, Хвостовъ,
 Прокляты Аполлономъ.
 И что за нужда подражать
 Безсмысленнымъ поэтамъ?
 Послѣдуй ты, ...
 Моимъ благимъ совѣтамъ!
 И будешь изъ пѣвцовъ пѣвецъ,
 Клянусь . . . . . !
 Ни чортъ, ни . . . . . ,
 Не вздремлютъ надъ тобою».

10.

— Барковъ! доволенъ будешь мной! —
 Прововгласилъ дѣтина.
 И вмигъ исчезъ призракъ ночной,
 . . . . .

Впослѣдствіи, когда герой баллады попался въ бѣду, предъ нимъ снова

Баркова призракъ вдругъ предсталъ,
 освободилъ его изъ-подъ стражи и сказалъ на прощанье :

. Поди! (отверзта дверь была),
 Тебѣ не помѣшаютъ!
 Но знай, что добрыя дѣла
 . . . . . награждаютъ:
 Усердно ты воспѣлъ меня,
 И вотъ за то награда! —
 Сказалъ, исчезъ,—и здѣсь, друзья,
 Кончается баллада.

Это Пироновское направленіе, которому отдали дань почти всѣ замѣчательные поэты, и которымъ увлекся 14-ти-лѣтній Пушкинъ, дало поводъ сказать о немъ въ одной изъ «національныхъ пѣсенъ» :

А нашъ французъ
 Свой хвалить вкусъ,
 И м.....ну пореть.

Всѣ эти пять произведеній, по отзывамъ товарищей поэта, сочинены въ 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой въ его запискахъ и разсказанной г. Анненковымъ въ его біографіи (стр. 23 и 24) восточной сказки *Фатама или разумъ человѣческой*, также

не уцѣлѣвшей. Содержаніе ея мы слышали съ нѣкоторыми подробностями: супруги просили у судьбы сына самаго разумнаго, какихъ еще не бывало; но какъ въ природѣ все развивается въ ту или другую сторону, то имъ обѣщано, что сынъ ихъ родится необыкновенно умнымъ, съ лѣтами же постоянно будетъ терять способности и, наконецъ, обратится въ дѣтство. Дѣйствительно, родившись, онъ былъ чрезвычайно ученъ, говорилъ по латыни, и едва выглянуль на свѣтъ, спросилъ:—ubi sum? и т. д.

Первыя стихотворныя попытки Пушкина доказываютъ, что онъ не безъ труда овладѣлъ русскими оборотами и версификаціей. Мы имѣли черновое стихотвореніе его *Къ Деліи*, отнесенное издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 546), но которое есть одинъ изъ его первыхъ опытовъ, писанныхъ въ 1812 г. Принадлежность его Пушкину не безъ нѣкотораго основанія заподозрѣна г. Анненковымъ (т. II его изданія, стр. 227), тѣмъ болѣе, что оно напечатано во всѣхъ изданіяхъ съ пропускомъ двухъ стиховъ первой строфы и искаженіемъ смысла. Поэтъ, какъ доказываетъ его рукопись, написалъ окончательно только первую строфу, но не могъ сладить съ двумя другими, и оставилъ стихотвореніе недоконченнымъ. Илличевскій, какъ рассказываютъ очевидцы, товарищи обоихъ поэтовъ, поднялъ брошенный Пушкинымъ листокъ и дописалъ стихотвореніе. Представляемъ его съ рукописи Илличевского, обозначая курсивомъ принадлежащія ему выраженія:

П Ъ С Н Я.

О, Делія драгая!
 Спѣши, моя краса!
 Звѣзда любви златая
 Взошла на небеса,
 Безмолвно мѣсяць покотился;
 Спѣши, твой Аргусъ удалился,
 И *тронулъ сонъ* его глаза.
 Подъ сѣнью потаенной
 Дубравной тишины,
 Гдѣ токъ *уединенный*
 Сребристыя волны
 Журчитъ съ унылой Филомелой,
 Готовъ пріютъ любви веселой
 И блескомъ освѣщенъ луны.
 Накинуть *ночи тѣни*
 Покровы намъ свои,

*И дремлютъ роцей спли,
И быстро часть любви (*)
Летить—я весь горю желаньемъ;
Спиши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!*

Первый куплетъ этой пѣсни часто распѣвался въ лицеѢ на два голоса съ гитарой, на музыку, сочиненную Корсаковымъ.

Къ тому же времени, т. е. къ 1812 году, относится стихотвореніе: *Изъмны* (т. I, стр. 56), помѣщенное въ числѣ произведеній 1815 г. Конецъ его, названный *Посланіемъ къ С. Г. Ч.* (Чирикову), мы имѣли переписанный рукою Иконникова, который съ 1812 года уже былъ уволенъ изъ лицея. Кромѣ того совершенно дѣтская форма этого стихотворенія доказываетъ, какъ уже замѣтилъ г. Аявиевковъ (т. II, стр. 91), что оно принадлежитъ къ самымъ первымъ опытамъ Пушкина. Оно относится къ прѣбывавшей въ лицей графинѣ Н. В. Кочубей, бывшей впоследствии, но уже гораздо позже, за графомъ А. Г. Строгоновымъ. Она же, какъ говорилъ Пушкинъ П. А. Плетневу, описана въ стихахъ 8-й главы *Евгенія Онегина*:

*Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генераль, и т. д.*

которыя А. П. Кервъ (по второму мужу Виноградская) въ *Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ* («Библиотека для Чтенія» 1859 г. № 4, стр. 113) напрасно приняла на свой счетъ.

И такъ, если нельзя съ точностію опредѣлить, какое именно первое русское стихотвореніе написано Пушкинымъ, то можно навѣрно сказать, что посланіе *Къ сестрѣ*, помѣщенное первымъ въ двухъ позднѣйшихъ изданіяхъ его «Сочиненій». Еще менѣе основаній считать самымъ раннимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ стихотвореній Пушкина напечатанное «въ Свѣточѣ» 1861 г. (№ 3): «Воспитанница Музъ, прелестна Катерина», написанное въ С. Петербургѣ 10 мая 1813 г. Въ это время нашъ поэтъ былъ въ Царскомъ Селѣ; стихотвореніе же дѣйствительно принадлежитъ, какъ предполагаютъ «Библиографиче-

(*) Эти стихи напоминаютъ слѣдующіе изъ посланія Жуковского къ Батюшкову въ 1810 г.

*Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія роши,
Или покровомъ ночи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ
И тихихъ роцей спли,
И темный рядъ холмовъ.*

скія Записки» 1861 г. (№ 9, стр. 277), Алексѣю Пушкину, и върояно, относится къ знаменитой Екатеринѣ Семеновой.

Кромѣ дѣтскихъ опытовъ, писанныхъ съ чужаго голоса, и потому не имѣющихъ непосредственной связи съ дѣйствительностью, весьма значительная часть лицейскихъ стихотвореній Пушкина, не только русскихъ, но и французскихъ, имѣетъ автобіографическое значеніе. Мы находимъ его въ первомъ же изъ напечатанныхъ стихотвореній Пушкина, посланіи *Къ сестрѣ*, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть подражаніе посланію Батюшкова къ Жуковскому и Вяземскому *Мои Пенаты* и отчасти посланію Жуковскаго *Батюшкову*. Въ стихотвореніи Пушкина, сквозь поэтическій вымыселъ и украшенія, безъ которыхъ въ то время истина не допускалась въ искусствѣ, видна живая дѣйствительность. Посланіе это, судя по его началу, есть отвѣтъ на письмо сестры:

Ты хочешь, другъ безащитный,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный...

Подъ выраженіями «монастырь» и «край уединенный» не трудно угадать лицей и Царское Село, бывшее тогда относительно уединеннымъ мѣстомъ. Подражаніе Батюшкову обнаруживается не только по размѣру и характеру, но даже по выраженіямъ съ первыхъ же строкъ стихотворенія, какъ видно изъ сравненія съ слѣдующимъ отрывкомъ изъ «Моихъ Пенатовъ»:

Доступенъ добрый гевій
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной
Небесно вдохновенъ,
Порывъ крылатыхъ думъ!

Въ своемъ посланіи Пушкинъ, уже называющій себя поэтомъ, предлагаетъ сестрѣ: «пукъ стиховъ», и потому даже по этой причинѣ нельзя считать это стихотвореніе самымъ раннимъ:

Несу тебѣ не злато
— Чернецъ я не богатый —
Въ подарокъ, — пукъ стиховъ.

Послѣдній стихъ взятъ у Жуковскаго изъ его посланія къ Батюшкову, которое уже упомянуто нами по поводу пѣсни «Къ Деліи»:

А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Въ стихотвореніи Пушкина находимъ, какъ автобіографическую подробность, описаніе лицейской комнаты:

Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробуждень.
Фантазія, тобою
Одной я награждень!

Здѣсь еще замѣтнѣе подражаніе слѣдующимъ стихамъ Батюшкова:

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногій
Съ *изорваннымъ сукномъ...*
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ *жесткая постель* —
Все утвари простыя,
Все рухляя скудель!..
Богинею слѣпою
Забить я отъ пелень;
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награждень.

Описаніе подобной же обстановки и въ такой же формѣ находимъ и у Василя Пушкина въ его посланіи къ Д. В. Дашкову:

Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый
Чернилица, перо —
Вотъ все мое добро!..
А я, забытый въ мірѣ,
Пою теперь на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!

Заклучимъ сравненіе слѣдующимъ концомъ посланія «Къ сестрѣ», пропущеннымъ въ обоихъ изданіяхъ и напечатаннымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 10, стр. 309):

Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клубукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои.

Стихи эти напоминаютъ начало того же посланія Батюшкова:

Отечески пенаты,
О, пѣстуны мои!
Вы влатомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны келли,
Гдѣ васъ на новосельи
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;

а также слѣдующія строки:

Покойся, другъ прелестный,
Въ объятіяхъ моихъ!

Слѣдующее стихотвореніе *Къ другу стихотворцу* (т. I, стр. 5) было первымъ произведеніемъ Пушкина, явившимся въ печати. Весьма вѣроятно, что это и другія первыя стихотворенія Пушкина отдавались въ журналы безъ его вѣдома и согласія, судя по слѣдующимъ стихамъ его посланія *Къ Дельвигу* (т. I, стр. 52):

Предатели—друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предають.

Посланіе «Къ другу стихотворцу», искаженное въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ «Сочиненій Пушкина» и возстановленное въ «Библиографическихъ Запискахъ» Е. И. Якушкинымъ (1858 г. № 10, стр. 309) и П. А. Ефремовымъ (1861 г. № 9, стр. 272), представляетъ подражаніе двумъ посланіямъ В. Пушкина *Къ В. А. Жуковскому* и *Къ князю П. А. Вяземскому*. Въ первомъ изъ нихъ также говорится объ Аристеѣ, къ которому обращается и А. Пушкинъ. Кромѣ этого

сближенія, не только содержаніе и форма посланій дяди и племянника имѣютъ много общаго, но сходство это замѣтно даже въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и приемахъ.

У В. Пушкина читаемъ:

Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Оукидидь
 Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ,
 Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
 На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
 Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ.

У А. Пушкина:

Межъ тѣмъ, какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
 Пьвцы безсмертныя, и честь, и слава Россовъ,
 Питаютъ здравый умъ, и вмѣстѣ учатъ насъ,
 Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ елва родясь.

Со вторымъ посланіемъ В. Пушкина посланіе нашего поэта имѣетъ такое же сходство въ приемахъ и главной мысли, высказанной дя-
 дею въ строкахъ:

Пусть льются тамъ стихи нелѣпные рѣкой.
 Нѣтъ нужды, мнѣ всего любезнѣе покой,

и оканчивающей посланіе племянника

Быть славнымъ хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

Посланіе Пушкина напоминаетъ также извѣстное посланіе Батюшкова *И. М. Муравьеву-Апостолу*. Хотя это трудно доказать сравнительными выписками, но въ духѣ и даже формѣ обоихъ произведеній видна нѣкоторая родственность между ними. Посланію Батюшкова приписывали даже позднѣйшее вліяніе на Пушкина, и «Славянинъ» 1830 г. (ч. 14) не безъ основанія находитъ его въ знаменитомъ стихотвореніи Пушкина *Къ Вельможѣ* (князю Н. Б. Юсупову) 1830 г. Въ посланіи «Къ другу стихотворцу», 15-ти лѣтній поэтъ смѣется надъ рутинными приемами стихотворства, и, въ убѣжденіи, что поэзія заключается не въ однихъ стихахъ, угрожаетъ другу судьбою гніющаго у Глазунова творенія Рифматова, Графова и Бибруса, т. е. Шихматова, Хвостова и Боброва. Мысль о лавкѣ Глазунова, заваленной произведеніями князя С. Шихматова и графа Хвостова, заимствована Пушкинымъ изъ ходившей тогда въ рукописи пародіи Батюш-

кова на «Шьвца во станѣ русскихъ воиновъ», напечатанной М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1856 г. (т. LVII, смѣсь стр. 10):

Друзья! большой бокаль отцовъ
 За лавку Глазунова!
 Тамъ царство вѣчное стиховъ
 Шихматова лыхаго.

Кстати о С. Шихматовѣ: въ 1807 г. онъ издалъ поэму: *Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія*. Пушкинъ въ лицѣ написалъ къ этому заглавію оцѣнку сочиненія:

Слогъ темень, напыщенъ,
 И тяжки словеса пустыя.

Третье изъ напечатанныхъ стихотвореній Пушкина *Кольна*, названное подражаніемъ Оссіану, довольно близкое переложеніе его поэмы «Кольна-Дона», имя, которое въ переводѣ значитъ *любовь героя*. Мрачныя поэмы Макферсона съ прошлаго вѣка сдѣлались общимъ литературнымъ достояніемъ и немедленно нашли подражателей и переводчиковъ почти во всѣхъ европейскіхъ литературахъ, не исключая нашей. Оссіанъ переведенъ у насъ прозою вполнѣ Костровымъ и Филатовымъ, а въ отрывкахъ Захаровымъ, Карамзинымъ и другими; въ стихахъ подражали Оссіану или заимствовали у него Батюшковъ, Жуковский, и множество менѣе извѣстныхъ писателей: В. Вердеревскій, Вышеславцевъ, Олинъ, А. Никитинъ, Ф. Б-фъ и проч. Своеобразная поэзія Макферсона поразила своими мрачными красотоми молодое воображеніе Пушкина, и онъ подчинился на нѣкоторое время ея вліянію, высказавшемуся въ переводахъ и подражаніяхъ. Пушкинъ, выучившійся по англійски только за порогомъ лица, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова, сдѣланному слово въ слово съ французскаго перевода Летуриера (*Le Tourneur*), издавнаго въ Парижѣ въ 1771 г. Переводы Кострова читались въ классахъ Кошанскаго, который сочувствовалъ ему не въ одной страсти къ поэзіи, и хотя подсмѣивался надъ устарѣлыми выраженіями, и особенно надъ частицами *бо* (ибо), но восхищался его стихами, и, какъ будто въ оправданіе собственной слабости, сказалъ на одной изъ своихъ лекцій экспромтъ:

Отъ сердца вылился божественный сей стихъ.
 Въ винѣ бо зрѣлъ Костровъ отраду дней своихъ.

Восторгъ профессора перешелъ и къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссіаномъ по переводамъ Кострова; а Оссіанъ былъ настольною книгою въ лицѣ и составлялъ, нѣкоторое

время, любимое чтеніе Пушкина, который въ посланіи «Къ другу стихотворцу» упоминаетъ о Костровѣ рядомъ съ лучшими поэтами. «Кольна» Пушкина есть не что иное, какъ переложеніе прозаическаго перевода Кострова въ стихи, съ пропускомъ описанія охоты за сернами и нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ много собственныхъ именъ и названій (*).

Остальныя же, довольно частыя уклоненія очевидно представляютъ уступку формѣ, обыкновенно подчиняющей мысль у неопытныхъ версификагоровъ. Доказательствомъ, что Пушкинъ перелажалъ переводъ Кострова, служитъ совершенная тождественность встрѣчающихся у нихъ выраженій съ повтореніемъ Пушкинымъ ошибокъ Кострова. Напримѣръ, выраженіе: *Toscar et moi, qui naguère étois entré dans la carrière des combats*, Костровъ перевелъ неправильно: «я и Тоскаръ (вмѣсто: Тоскаръ и я), недавно вошедшій въ подвиги брани». Пушкинъ также отнесъ послѣднюю подробность не къ пѣвцу, какъ у Латурнера, а къ Тоскару:

Тоскару юному вѣщаль.

Вмѣсто *jeune homme* Костровъ перевелъ «младый воитель»—выраженіе, встрѣчающееся и у Пушкина. Вмѣсто *jeune étranger*, у Кострова «юный ратникъ», а у Пушкина:

•О, юный ратникъ! рекъ Тоскаръ.

Нѣкоторыя выраженія цѣликомъ взяты у Кострова. Напримѣръ: «... дай мнѣ щитъ твой. Пылая мщеніемъ, пріемлетъ онъ щитъ...»

У Пушкина:

«Подай мнѣ щитъ твой». И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ. пылая мщеньемъ.

Стихотвореніемъ *Венеръ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала* (т. I, стр. 17), начинается рядъ заимствованій изъ французскихъ поэтовъ. Мадригалъ этотъ помѣщенъ въ статьѣ: *Объ этиграммѣ и надписи древнихъ*, переведенной изъ *Lycée ou Cours de littérature* Лагарпа въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. (сентябрь, № 18, стр. 115—119). Подъ стихами подпись — П. — (Пушкинъ), а подъ статью: *Пер.—з.—з.*—(Иванъ Пущинъ). Послѣдній рассказываетъ въ своихъ «Занискахъ» (стр. 15), что онъ просилъ Пушкина перевести для этой

(*) Одно изъ нихъ слѣдуетъ разжаловать въ прилагательныя, въ стихѣ.

И кроется въ долины сонны,

а не Соины, какъ напечатано въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ.

статьи приведенные въ ней стихи. Для сравненія съ переводомъ Пушкина, представляемъ оригиналь:

Je le donne à Vénus, puis qu'elle est toujours belle.
 Il redouble trop mes ennuis:
 Je ne saurais me voir en ce miroit fidèle
 Ni telle que j'étais, ni telle que je suis.

Послѣднюю мысль находимъ въ стихотвореніи Капниста: *Красота*:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбинѣ
 Какъ нынѣ мыслить не могла;
 Или зачѣмъ не та я нынѣ,
 Не та, что въ младости была!

Вліяніе этихъ стиховъ, можетъ быть, и случайное, отзывается во второй половинѣ перевода Пушкина:

Но я, покорствуя судьбинѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
 Ни той, которой я была,
 Ни той, которой нынѣ.

Подлинникъ оказывается вдвое короче перевода, главный недостатокъ котораго растянutosть и многословіе. Другой переводъ этого стихотворенія напечатанъ, въ «Благонамѣренномъ» 1820 г. (№ XI, стр. 375) подъ заглавіемъ *Лаиса при посвященіи своего зеркала Венерѣ*, съ подписью *Д. С—въ* (Саларевъ). Переводъ этотъ короче и вѣрнѣе, но въ литературномъ отношеніи еще хуже Пушкинскаго, хотя явился спустя 16 лѣтъ. Вотъ онъ:

Неувядаемой красы тебѣ вся честь,
 Гебѣ и зеркало, богиня, посвящаю!
 Безъ тайной грусти въ немъ я больше не встрѣчаю,
 Ни какова была, ни какова я есть!

Приведенныя въ упомянутой главѣ эпиграммы, взятыя Лагарпомъ у Вольтера, переведены на русскій языкъ по нѣскольку разъ. Первая: *Sur une statue de Niobé*, переведена Илличевскимъ, съ подписью—*И.*—; слѣдующія двѣ: *Sur l'aventure de Léandre et d'Héro* и *Sur la Vénus de Praxitèle* Дмитріевымъ; четвертая: *Sur Hercule*—Батюшковымъ, названная въ собраніи его сочиненій: *Изъ Антологіи* («Сотъ меда съ молокомъ»); пятая, о которой сказано выше, Пушкинымъ, а послѣдняя, изъ Марціала, Илличевскимъ, съ подписью—*И.*—Кромѣ того трудъ Лагарпа переведенъ на русскій языкъ Кара-

бановымъ, Соколовыми и Никольскимъ, и изданъ 1810—1814 годахъ подъ заглавіемъ *Ликей, или кругъ словесности древней и новой*, въ пяти частяхъ. Въ третьей изъ нихъ, переведенной Петромъ Соколовымъ, въ главѣ о *эпиграммѣ и надписи* (стр. 57) переведены съ подстрочными переводами въ прозѣ первыя пять упомянутыхъ эпиграммъ, а послѣдняя оставлена безъ перевода. На литературныхъ сужденіяхъ Лагарпа воспитывалось все тогдашнее юношество; курсъ его служилъ въ лицее учебнымъ руководствомъ для старшаго возраста, и Пушкинъ признается въ *Городкѣ* (т. I, стр. 35), что часто читалъ «грознаго Аристарха»:

Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Такъ какъ уже зашла рѣчь о переводѣ стихотворенія Вольтера, то скажемъ и о другихъ заимствованіяхъ Пушкина у «единственнаго старика», а потомъ, чтобъ не возвращаться болѣе къ французской литературѣ, рассмотримъ остальные переводы и подражанія Пушкина.

Вліяніе Вольтера на Пушкина было сильнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ вліяніе другихъ французскихъ поэтовъ, хотя заимствованія изъ него не многочисленны. Первые поэтическіе опыты въ комическомъ и эпическомъ родѣ, упоминаемые г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 13), написаны въ подражаніе Вольтеру, который для Пушкина, какъ онъ признавался въ «Городкѣ», былъ

Поэтъ въ поэтахъ первый.

Объ этомъ предпочтеніи находимъ свидѣтельство и у Василія Пушкина, который, въ посланіи *Къ графу Ѳ. П. Толстому*, говоритъ:

И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ...

Но исключительное вліяніе Вольтера ограничивалось дѣтскимъ возрастомъ, а въ напечатанныхъ произведеніяхъ Пушкина оно едва замѣтно. Изъ нихъ, кромѣ упомянутаго выше мадригала, обязаны своимъ существованіемъ Вольтеру только два, переведенные изъ него: *Стансы* (т. I стр. 165) и *Сновидѣніе* (стр. 166), относящіеся къ 1817 г. Для такого почитателя Вольтера, какимъ былъ Пушкинъ, заимствованія эти кажутся совершенно ничтожными, тѣмъ болѣе, что Вольтеръ чаще другихъ писателей являлся въ русскихъ переводахъ. Число

русскихъ переводчиковъ Вольтера, по вычисленію С. Д. Полгорова, въ его «Матеріалахъ для словаря русскихъ писателей» (т. I, выпускъ 1, стр. 18), простирается до 140. Одна *Henriade* переведена стихами виолнѣ три раза, а отрывки изъ нея переведены семью переводчиками. Упомянутые выше переводы Пушкина нельзя считать ни весьма вѣрными, ни удачными, но они принадлежатъ, однакожь, сравнительно съ прочими его переводами, къ небольшому числу довольно близкихъ къ подлиннику. Чтобъ судить о степени близости ихъ и объ отступленіяхъ отъ подлинника, сдѣлаемъ сравненіе «Стансовъ». Первые пять строкъ этого стихотворенія, которое у Вольтера имѣетъ заглавіе: *A madame Duchatelet*, переведены удовлетворительно; остальные же четыре переданы вяло, и даже въ художественномъ отношеніи, хотя Вольтеръ далеко не художникъ, гораздо ниже подлинника. Иногда трудно даже понять переводчика. Напримѣръ:

Намъ должно дважды умирать,
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значить послѣ не дышать?

Смыслъ этихъ темныхъ стиховъ объясняется соотвѣтствующими имъ въ подлинникѣ:

*On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable,
C'est une mort insupportable;
Cesser de vivre ce n'est rien.*

Слѣдующей строфѣ также не посчастливилось:

*Ainsi je déplorais la perte
Des erreurs de mes premiers ans;
Et mon âme aux désirs ouverte,
Regrettait ses égarements.*

Пушкинъ передалъ эти стихи произвольно, не довольно ясно и совершенно безцвѣтно:

На пасмурномъ моемъ закатѣ
Среди пустынной темноты (?),
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыхъ мечты!

У Вольтера:

*Du ciel alors daignant descendre,
L'Amitie vint à mon secours;*

Elle était peut-être aussi tendre,
Mais moins vive que les Amours.

У Пушкина первые два стиха переведены не точно, хотя съ большею образностью; послѣдніе же два передаютъ въ растянутой формѣ только половину мысли, не сохраняя характеристической черты, которую поэтъ проводитъ между дружбою и любовью:

Тогда на голосъ мой унылый
Мнѣ Дружба руку подала:
Она Любви подобна милой
Въ одной лишь вѣжности была.

У Вольтера:

Touché de sa beauté nouvelle,
Et de sa lumière éclairé,
Je la suivis; mais je pleurai
De ne pouvoir plus suivre qu'elle

Первые два стиха, сильные и образные, совершенно пропали у Пушкина и замѣнены двумя сладенькими строчками, подобранными лишь для риѣмы къ двумъ послѣднимъ, очевидно прежде ихъ вылившимся изъ подъ пера переводчика:

Я ей принесъ увядши розы
Отрадныхъ юности дней,
И вслѣдъ пошелъ, но лиль я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей.

Неотвязчивая риѣма эта встрѣчается у Пушкина довольно часто, въ чемъ онъ самъ сознается въ четвертой главѣ «Евгенія Онѣгина»:

Читатель ждетъ ужъ риѣмы *розы*:
На, вотъ, возьми ее скорѣй!

Сповидніе переведено еще менѣе гочно, и въ переводѣ совершенно выпущены два первые стиха Вольтера:

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge. .

Мадригалъ этотъ, написанный принцессѣ Ульриктъ, сестрѣ прусскаго короля Фридриха II, впоследствии супругѣ шведскаго короля Адольфа, переведенъ на русскій языкъ П. Сумароковымъ, княземъ Хованскимъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и Пушкинымъ. Сравненію этихъ переводовъ и библиографическимъ по поводу ихъ указаніямъ,

посвящена г. Полторацкимъ брошюра «Русскіе переводчики Вольтера», составляющая первый выпускъ тома I «Матеріаловъ для словаря русскихъ писателей».

Послѣ Вольтера, однимъ изъ любимыхъ писателей Пушкина былъ Маро, котораго онъ прочиталъ еще въ родительскомъ домѣ, и изъ котораго перевелъ стихотвореніе: *Старикъ* (т. I стр. 70). Clément Marot, представитель французской поэзіи въ первой половинѣ XVI вѣка, самый простой и остроумный писатель своего времени, былъ также любимымъ писателемъ Василія Пушкина, у котораго есть *Подражаніе Мароту*. Стихотвореніе Маро переведено довольно близко. Для сличенія, приводимъ подлинникъ:

DE SOY — MESME.

Plus ne suis ce que j'ay esté
 Et ne scaurois j'omais estre:
 Mon beau printemps et mon esté
 Ont fait le saut par la fenestre.
 Amour, tu as esté mon maistre
 Je t'ai servi sur tous les dieux,
 Oh! si je pouvois deux fois naistre
 Comment je te servirois mieux!

Богѣ другихъ французскихъ поэтовъ имѣлъ вліяніе на Пушкина Парни, произведенія котораго, преимущественно предъ всѣми другими, служили для нашего поэта предметомъ заимствованій и подражаній. Вліяніе это началось съ 1814 года, въ которомъ написаны стихотворенія *Оскаръ* (т. I стр. 538) и *Эвлега* (стр. 541), отнесенныя издателями къ числу произведеній неизвѣстныхъ годовъ. Хотя въ первомъ стихотвореніи дѣйствуютъ любимые герои Оссіана Оскаръ и Мальвина, но въ этомъ подражаніи барду слышится уже другоевліяніе, представляющее новый фазисъ развитія поэта. Мрачная сѣверная поэзія нашла поклонника и подражателя въ одномъ изъ нѣжнѣйшихъ поэтовъ Франціи, Парни, который написалъ поэму *Isnel et Asléga*, бывшую источникомъ многихъ подражаній и заимствованій для русскихъ поэтовъ. Изъ нея переводили: Крыловъ (романсъ: «Въ краю чужомъ. Аслега, другъ мой милый»), Давыдовъ (романсъ: «Сажу на берегу потока»), Батюшковъ («Сонъ воиновъ») и наконецъ Пушкинъ. Въ его «Оскарѣ» встрѣчаются мѣста, напоминающія поэму Парни, не смотря на разницу ихъ содержанія. Напримѣръ, у Парни, Ольбровицъ, стучась въ дверь своей возлюбленной, говоритъ:

«Belle Rusla, c'est moi, c'est ton amant,
 Qui vient chercher le prix de sa tendresse.

Quoi! du sommeil est-ce là le moment?
Réveille toi, Rusla, tiens ta promesse,
Ne tarde plus: un vent impétueux,
Un vent glacé siffle dans mes cheveux»...

У Пушкина читаемъ почти то же самое (изд. 1859 г. I, стр. 539):

Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучить и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ (*).
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валятся снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ...

Изъ той же поэмы Парни Пушкинъ перевелъ *Элеу*, составляющую отдѣльный ея эпизодъ. Кромѣ первой строфы, всѣ остальные переведены довольно близко, а нѣкоторыя подстрочно. Для сравненія приводимъ вторую:

D'un pas rapide il arrive à la grotte
Ce jeune Odulf; mais d'un autre guerrier
Il voit dans l'ombre étinceler l'acier.
Soupçon cruel! son ame hésite et flotte;
Il dit enfin: «Quel projet te conduit?
Que cherches-tu? parle, enfant de la nuit».

Переводъ Пушкина (т. I, стр. 542):

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
«Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!» (**)

Нѣкоторые стихи, какъ, на примѣръ, слѣдующіе, переведены Пушкинымъ слово въ слово:

Terrible il frappe; et la tremblante Elveige
Tombe à ses pieds, comme un flocon de neige,
Qu'un tourbillon détache du rocher.

У Пушкина:

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падеть на дернъ, какъ клочъ летучій снѣга,
Мятелипой отторженный отъ скаль.

(*) А не *воютъ*, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

(**) Стихъ этотъ во всѣхъ изданіяхъ не имѣетъ смысла, потому что вездѣ напечатано *шумъ* вмѣсто *сынъ*.

Подобная вѣрность рѣдко встрѣчается въ немногочисленныхъ переводахъ Пушкина, неохотно подчинявшагося чужой мысли.

Борьба соперниковъ и смерть ихъ, составляющіе одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, переведены слабѣ всего

Кромѣ уже названныхъ выше, слѣдующія стихотворенія Пушкина обязаны своимъ существованіемъ французскому поэту: *Къ живописцу* (г. I, стр. 68), *Гробъ Анакреона* (стр. 73), *Фавнъ и Пастушка* (стр. 104), *Подражаніе* (стр. 138), *Сну и Морфею* (стр. 140 и 141), *Письмо къ Лидь* (стр. 161), *Добрый Совѣтъ* (стр. 178) и *Леда* (стр. 543).

О посланіи «Къ живописцу», имѣвшемъ отношеніе къ дѣйствительности и къ личной настроенности Пушкина, мы будемъ имѣть случаи говорить ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о другихъ стихотвореніяхъ.

«*Гробъ Анакреона*» есть подражаніе, или, какъ обыкновенно называли, «вольный переводъ» Парни. Пушкинъ заимствовалъ у него мысль и содержаніе, но не стѣснялъ себя въ подробностяхъ формы и выраженія. Другое подражаніе этому стихотворенію Парни напечатано въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1830 г. съ подписью *Александръ Милославскій*. Замѣтимъ кстати, что мысль эта заимствована изъ первой оды Анакреона.

Стихотвореніе *Фавнъ и Пастушка* навѣяно стихотвореніемъ *Les déguisements de Vénus*, состоящимъ изъ тридцати картинъ: у Пушкина ихъ только девять, но блѣдныя копіи эти не даютъ понятія объ оригиналѣ, не имѣя съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Г. Анненковъ напрасно называетъ это стихотвореніе переводомъ (т. II, стр. 150). Въ немъ нельзя указать нѣсколькихъ строкъ сряду, которыя были бы даже «вольнымъ подражаніемъ» Парни; но тѣмъ не менѣе духъ и характеръ французскаго поэта чувствуется въ этомъ произведеніи, утрачиваемъ всю грацію подъ перомъ неопытнаго подражателя. Судя по стиху, оно написано раньше 1816 г., къ которому отнесено издателями. Въ находящемся у насъ спискѣ лицейскаго времени стихотвореніе это имѣетъ заглавіе: *Картины*, вѣроятно потому, что у Парни каждая глава его названа картиною (*tableau*), или отъ того, что такое же заглавіе (*Les tableaux*) дано имъ другому стихотворенію въ томъ же эротическомъ родѣ, а можетъ быть и потому, что къ стихотворенію Пушкина приложены были нарисованныя имъ перомъ картинки, сообразно съ которыми главы назывались: *I. Пастушка. II. Пещера. III. Фавнъ. IV. Рѣка. V. Чудо. VI. Фіалъ. VII. Очередь. VIII. Философъ*. Списокъ этотъ такъ же, какъ и другой, позднѣйшій, представляетъ нѣсколько вариантовъ и дополненій. Но приводитъ варианты къ такому слабому стихотворенію не стоить, а изъ дополненій приво-

димъ слѣдующіе, напечатанные курсивомъ стихи, восстанавливающіе смыслъ. Въ самомъ началѣ:

Съ пятнадцатой весною,
 Какъ лилія зарею,
 Красавица цвѣтеть.
Все въ ней очарованье:
 И томное дыханье,
 И взоровъ милый свѣтъ...

Въ IV главѣ:

Пастушка робко дышитъ,
 Къ рывкѣ летя стрѣлой,
 Бѣгъ Фавна за собой
 Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
 Ужь чувствуетъ она
 Огонь его дыханья...

Стихотвореніе Парни не разъ служило источникомъ вдохновеній для русскихъ поэтовъ. Девятая картина его (D'Erigone c'etoit la fête) вызвала прелестное стихотвореніе Батюшкова: *Вакханка* («*Всѣ на праздникъ Эригоны*»); а двадцать седьмая дала Пушкину, въ 1824 г., содержание и образы для его *Прозерпины* (т. I, стр. 288).

Подражаніе («Я видѣлъ смерть»), по словамъ г. Анненкова (т. II, стр. 138), имѣетъ въ рукописяхъ поэта «еще 14 окончательныхъ стиховъ, которые напоминаютъ отчасти пьесу Парни: *Oui, sans regret du flambeau de mes jours etc.*». Конецъ этого стихотворенія намъ не извѣстенъ, но напечатанный отрывокъ не имѣетъ никакого отношенія къ элегii.

Стихотвореніе, напечатанное въ двухъ видахъ подъ заглавіями: *Сну* и *Къ Морфею*, изъ которыхъ первый составляетъ вариантъ ко второму, есть подражаніе стихотворенію Парни *A la nuit* («*Toujours le malheureux t'appelle*»); но по художественности, особенно во второй, окончательной передѣлкѣ, значительно превосходитъ французскій его первообразъ.

Письмо къ Лидь, которое г. Анненковъ (т. II, стр. 184) несправедливо называетъ переводомъ, есть подражаніе стихотворенію Billet (*Dès que la nuit sur nos demeures*), изъ котораго переведены только первые четыре стиха. У Парни дальше читаемъ:

Sur les pas du fidèle Amour
 Alors les Plaisirs par centaine
 Voleront chez ma souveraine,
 Et les Voluptés tour à tour
 Prendront soin d'amuser leur reine.

У Пушкина нѣтъ ничего подобнаго. Художественное чувство его отвергало эти сладенькія фантазіи, наскучившія въ стихахъ Богдановича и Карамзина, и вмѣсто «утѣхъ и сладостей», посылаемыхъ французскимъ поэтомъ, нашъ поэтъ предпочелъ самъ отправиться къ Лидѣ.

Изъ всѣхъ названныхъ пьесъ переводомъ можно назвать только «Добрый Совѣтъ» (A mes amis); но и въ этихъ двѣнадцати стихахъ много отступленій отъ подлинника, который гораздо лучше перевода. Въ немъ нѣкоторыя стихи переданы совершенно произвольно. Такъ, на примѣръ, вмѣсто

Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière,

у Пушкина читаемъ:

Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ,

—два стиха, очевидно вызванные двумя предшествовавшими, требовавшими риземъ.

Въ элегіяхъ 1816 года, представляющихъ уже самостоятельное развитіе Пушкина, замѣтно еще вліяніе Парни: такъ, на примѣръ, начало стихотворенія его *La Rechute*:

C'en est fait, j'ai brisé mes chaines,
Amis, je reviens dans vos bras

слышится въ элегіи Пушкина (т. I, стр. 133):

Опять я вашъ, о юные друзья!...

А начало IV элегіи Парни:

Dieu des amours, le plus puissant des dieux,
Le seul du moins qu'adora ma jeunesse;
Il m'en souvient, dans ce moment heureux
Où je fléchis mon ingrate maîtresse,

находимъ въ элегіи Пушкина (т. I, стр. 134):

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердець!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не видѣнь и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной

Сей быстрый мигъ поймаешь на лету,
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонить красоту!

Тотъ же художественный образъ Пушкинъ повгоряетъ черезъ шесть лѣтъ, въ извѣстной поэмѣ 1822 г., напечатанной съ пропусками въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина (стр. 34), и отрывки изъ которой помѣщены въ «Библиографическиххъ запискахъ» 1861 г. (№ 19):

Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній,
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту;
Когда любви забыли мы страданье,
И нечего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперникомъ мы любимъ поболтать.

Пушкинъ дѣйствительно любилъ «поболтать» о своей любви съ пріятелями, и въ посланіяхъ къ нимъ нерѣдко «оживлялъ о ней воспоминанье».

Послѣдніе отголоски Парни повторяются у Пушкина уже за порогомъ лица, въ упомянутой поэмѣ, написанной подъ вліяніемъ остроумныхъ поэмъ Парни: *Le paradis perdu*, *Les galantries de la bible* и *La guerre des dieux*.

Въ 1814 г. Пушкинъ написалъ *Леду*, кантату, отнесенную издателями къ числу стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ. По мысли, находимъ въ ней подражаніе остроумному и граціозному стихотворенію Парни: *Léda*. Позднѣйшее подражаніе этому стихотворенію напечатано въ «Мнемозинѣ» 1824 г., изд. Кюхельбекеромъ и княземъ В. О. Одоевскимъ (ч. IV, стр. 221), безъ подписи, и принадлежитъ князю Вяземскому. У Пушкина оно потеряло всю свою прелесть, заимствовавъ у Богдановича и Державина противохудожественность вымысла и формы. Вліяніе перваго изъ этихъ двухъ поэтовъ особенно чувствуется, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 310 и 311) въ посланіи *Красавицъ, которая нюхала табакъ* (т. I, стр. 18). Стихотвореніе это, напоминающее, по неизяществу вымысла и шутливости формъ, приемы пѣвца *Душеньки*, которою тогда восхищались чувствительные юноши и веселые старички, написано къ сестрѣ лицейскаго товарища поэта, князя А. М. Горчакова, А. М. Кантакузенъ. Къ ней же относится слѣдующее неизданное стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ томъ же (1814) году:

S T A N C E S.

Avez-vous vu la tendre Rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de Rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclore:
Il a fui, le temps des beaux jours.

Eudoxie! aimez! le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse,
Que de l'amour on sent les feux?

Подлинника этого стихотворенія въ сообщенныхъ намъ бумагахъ не сохранилось, но принадлежность его Пушкину единогласно подтверждается его товарищами; въ копіи же, съ которой мы его сообщили, оно переписано рукою Иличевскаго на одномъ листкѣ съ стихотвореніемъ *Mon portrait*, которое помѣщено издателями между произведеніями неизвѣстныхъ годовъ, но относится къ тому же времени. Замѣтимъ кстати, что третья, четвертая и шестая строфы этого стихотворенія напечатаны невѣрно. Въ упомянутой копіи, а также другой, сдѣланной товарищемъ поэта, барономъ П. О. Гревеницемъ, которому и написано это стихотвореніе, онѣ читаются такъ:

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne,
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
Los n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

Spectacles, bals me plaisent fort,
 Et d'après ma pensée,
 Je dirais ce que j'aime encore,
 Si je n'étais au lycée.

Вліяніе на Пушкина Французской литературы, довольно сильное въ дѣтскіе годы, и даже исключительное по условіямъ его воспитанія, было, какъ мы видѣли, **непродолжительно** и постоянно ослабѣвало. Собственно имъ не вызвано ни одно изъ позднѣйшихъ лицейскихъ стихотвореній, кромѣ указанныхъ выше; но вліяніе это чувствуется еще кое-гдѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, Пушкина поразили трогательные стихи предсмертной элегіи Жильбера:

Au banquet de la vie infortuné convive
 J'apparus un jour et je meurs,
 Et sur la tombe où lentement j'arrive
 Nul ne viendra verser des pleurs...

Ту же мысль и тѣ же образы, хотя несравненно въ менѣе художественной формѣ, находимъ въ посланіи Пушкина *Къ князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 147):

Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ съ тоской явлюсь я — гость угрюмый,
 Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
 И не придетъ другъ сердца незабвенный
 Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
 И не придетъ на холмъ удивенный
 Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!

Изъ всѣхъ французскихъ поэтовъ самое сильное вліяніе на Пушкина, но уже за порогомъ лицея, имѣлъ Андрей Шенье, изученіе котораго много содѣйствовало художественному развитію нашего поэта. Вліяніемъ этимъ ярко обозначенъ цѣлый рядъ высокохудожественныхъ произведеній, въ которыхъ поэзія, по гармоніи стиха и его пластичности, граничитъ съ музыкою и скульптурою. Въ лицейское вниманіе Пушкина къ французской литературѣ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ оно увеличивалось къ возраставшей славѣ Батюшкова и Жуковского, о вліяніи которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

В. ГАЕВСКІЙ.